

СМЕНА

21
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРИВЕТ ОТЧИЗНЕ

Величественно

Привет тебе, народ мой богатырь! сой! Привет тебе, родной со-
ветский край! Люблю твой простор, леса, поля и го.ры, Урал, Кавказ, Ком.
Чакчук и Алтай! Люблю твой леса, поля и го.ры, Урал, Кавказ, Ком.
Для повторения: Чакчук и Алтай. Знамя Октября.
*) Для исполнения:

Слова Михаила ВЕРШНИНА.

Музыка Кирилла АКИМОВА.

Привет тебе, народ мой богатырский,
Привет тебе, родной советский край!
Люблю твой просторы,
Леса, поля и горы —
Урал, Кавказ, Чакчук и Алтай.
Люблю твой леса, поля и горы —
Урал, Кавказ, Камчатку и Алтай.

Моя страна стоит на стране мира,
Моя страна несет народам свет.
Советская Россия — наша страна.
Ты наша честь и слава,
Прекраснее тебя на свете нет.
Моя страна, ты наша честь и слава,
Прекраснее тебя на свете нет.

Идем вперед, к победе коммунизма,
Идем вперед, отвагого горы.
И ленинские знамя
Всегда с вами, с нами,
Наш стяг победный — знамя Октября.
Великий Ленин вечно вместе с нами,
Наш стяг победный — знамя Октября.

Рис. В. Орлова.

Плакат В. Иванова.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ!

С величайшим воодушевлением, торжественно и радостно отмечают советские люди и все прогрессивное человечество сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции. Это необычный праздник, необычная дата. Сорок лет назад в мировой истории произошел переворот, который ознаменовал собой начало новой эры — эры свободного труда, счастья и расцвета. 7 ноября 1917 года в России возникла власть, уничтожавшая эксплуатацию человека человеком, — власть рабочих и крестьян. Было создано возглашено государство, где лозунг братства и равенства получил свое подлинное воплощение. Родилась демократия, какой доселе не видел мир, — демократия для тех, кто трудится и созидает. Родилась диктатура, направленная против тех, кто веками наимывался на имщете и горе народном.

«...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, — писал В. И. Ленин, — что на нашу голову выпало счастье начать постройку Советского государства, начать этим новую эпоху

всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн».

Социалистическая революция в октябре 1917 года произошла в одной стране. Но она потрясла, и потрясала ее. Она уничтожила сознание миллиардов обездоленных людей всех пяти континентов. Мировой империализм, сникший с себя прежде хозяйном судеб народов, почувствовал, что почва под ним колеблется, что наступает его закат. С остервенением разного хищника кинулся он спасать свое былое владычество. Но ни заговоры и террор, ни вооруженная интервенция, ни отчаянное сопротивление контрреволюционеров внутри страны не смогли уничтожить завоеваний Октября. Из первых военных испытаний молодая Советская рабоче-крестьянская армия, с честью, продемонстрировав перед всем миром, что нельзя победить народ, подняв-

шийся на борьбу за священные идеалы социализма. Ведомый великой партией коммунистов, партией Ленина, наш народ сумел подняться из пепла пожаров разрушения войны и хозяйство страны и приступил к гигантскому строительству.

Первым планом, созданным молодой республикой Советов, был план ГОЭЛРО. Вдохновителем этого плана являлся Владимир Ильин Ленин. Ознакомившись с ленинскими предначертаниями, известный английский писатель Герберт Уэллс назвал вождя нашего народа «кремлевским мечтателем». Фантазия писателя-фантаста капитулировала перед дерзновенными устремлениями русских коммунистов. Буркузаному литератору, чье воображение создало много увлекательнейших книг, неведомой была главная сила, способная преобразовать мир, — сила народа, сбросившего кандалы капиталистического рабства.

Прошло сорок лет. То, что виделось героям Октября как будущее, стало настоящим. То,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1957 год.

Год
надежды
34-й

что наши народы, посыпавшись, называли «употреблялись»; превратились в реальность.

Мы начали с того, что объявили войну неграмотности. Теперь наша страна переходит к всеобщему десятилетнему образованию. Институты и техникумы ежегодно выпускают сотни тысяч высококвалифицированных специалистов. Мы начали с того, что восстановили мельницы, мастерские и фабрики, существовавшие до революции. Ныне Советский Союз — одна из самых экономически мощных держав мира. Первые колхозы обратились землю союз, а засевали из луковицы. Это все «секундные» достижения. Их можно назвать наследием от прошлого. Сейчас колхозы и совхозы страны вооружены такой совершенной техникой, о которой прежде и мечтать не мог крестьяне.

Соединенные Штаты Америки, считавшие себя всегда самой передовой страной в науке и технике, теперь вынуждены признать, что далеко не везде они первые. Это показал, в частности, недавний выпуск Советским Союзом искусственного спутника Земли. В небесах, с огромной скоростью опровергаясь, зияли в окрестах нашей планеты, как в фокусе, собраны достижения советских людей в математике и физике, металургии и химии — в самых различных областях знаний. Успех советских ученых и инженеров не могли не признать даже ярые враги нашего государства, нашего строя. Английский министр просвещения Джонни Ллойд, заявил недавно, что сигналы искусственного спутника Земли, запущенного СССР, надо понимать так: «Итак, продукт советской техники, в продукт советской образованности, то есть, признания. Искусственный спутник — это не только удача отдельных ученых, это яркая демонстрация творческих сил советского строя, сил, которые вот уже сорок лет творят на нашей земле невиданные чудеса».

Историю создает народ. Во всех своих действиях Коммунистическая партия опирается на народ — как гигантская ее работа направлена на благо народа. И народ спatio и верно идет за своим прославленным авангардом, за партией, основанной великими Ленином и руководимой его преобразующими учениями.

Любимым детинцам партии, ее первым поклонникам является комсомол. Героизм и отвагу, самоотверженность и упорство не раз проявляли, выполняя задания партии, юноши и девушки с комсомольскими значками на груди. «Мы партии будущего, а будущее принадлежит молодежи», — говорил В. И. Ленин. — Мы партии новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партии самоотверженной борьбы с старым гнем, а за старым гнем — борьбу всегда первой пойдет молодежь».

Так и было всегда! Открыто любую страницу истории Советского государства — мы узнаем, вспомним тысячи фактов, рассказывающих о замечательных подвигах молодых патриотов, комсомольцев. Наш народ помнит тех, кто строил Комсомольск-на-Амуре и Магнитку, Днепропетровск и Березники, Сталинградский тракторный и Горьковский автомобильный заводы. Эстафета героев первых пятилеток подхватила их дети. Двойной спектакль, который продолжается и сейчас. И вот появился уже на карте Казахского моря и Волго-Дона, засеянные хлебами целинные степи, возникли новые заводы в Сибири, вырос город Комсомольск-на-Амуре, строится Ставропольская ГЭС, а в сибирской окраине Октябрьска прущена на полную мощность гигантская Куйбышевская электростанция. Гордостью созидателей, гордостью творцов переполнены наши сердца.

Невиданные богатства — материальные и духовные — создали советские люди за прошедшее сорок лет. Трудовой подвиг этого народа, его блестящий пример, приходилось не только заниматься мирной работой. Не раз труженики социалистических заводов и полей меняли молоты строителя и штурвалы комбайна на винтовки и автоматы и шли на защиту своих рубежей от посягательств захватчиков. Между двумя датами — 1917 и 1957 — лежит полоса нескольких войн. И не было ни одной, где мы не выходили бы победителями. Каждый раз агрессоры получали в лицо заслуги. Бандиты, заревившие наше добро, пытались «ликвидировать коммунизм», в конце концов всегда поднимали руки, получив от Советской Армии сокрушающий удар. Так

было в годы гражданской войны и интервенции, так было на Хасане и Халхин-Голе, так было на Карельском перешейке в 1939—1940 годах. Так случилось и с гитлеровской Германией, веродомно напавшей на Советский Союз. Великая Отечественная война окончилась тем, что над поверженным Берлином, над городом, где нацисты некогда вынуждали плахи мирового господства, — над Берлином было поднято красное знамя Победы.

Таковы уроки истории, пусть мы запоминаем их те, кто не сумел организовать новых антифашистических, аристократических походов, кто попытается о новых военных авантюрах.

Подвиг советских людей в годы Отечественной войны не знает себе равных в истории. Это потому, что наших воинов всегда неудержимо вела вперед великая сила советского патриотизма.

Неудавшаяся славой покрыла себя на полях сражений ленинский комсомол. Мы никогда не забудем имен Александра Матросова, Зоя Космодемьянской, Лидии Чайкиной, Виктора Талызина, молодогвардейцев. Но главное в том, что отвагу героям было не одиночно. Погибли были массовыми.

Проходит время, и мы все больше и больше узнаем о героях прошедших битв. Благодаря прекрасному роману Александра Фадеева нам хорошо знакомы истории краснодонской «Молодой Гвардии». Но вот недавно стало известно о молодогвардейцах Людинова, о молодогвардейцах сел Алексеевки и Знаменки. Запорожье. Нам открывается еще одна главная эпопея обороны Брестской крепости, которую вела со своими старшинами товарищами-коммунистами, отставными беззусыми комсомольцами.

Эти факты помогают нам еще яснее и отчетливее представить себе все величие подвига советских людей, выразивших Коммунистической партией. Таких людей победить нельзя. Эти пламя героеv, пламя бесстрашных борцов за торжество ленинских идей.

Победленным же в минувшей войне окказалось не только самое могущественное захватническое милитаристское. Поражение потерпели те империалистические силы, которые вели националистическую игру с огнем, подстрекали фашистов к нападению на СССР, надевавшие «союзничество коммунизма» с помощью германской военной машины. Старая пословица гласит: «Кто пускат ветер, тот пожмет бурю». Победы Советской Армии, мощное движение угнетенных народов Европы и Азии привели к сильному ослаблению позиций мирового империализма. После первой мировой войны на национальных территориях Европы и Азии родилось государство. Ныне их умеют тринадцать. По пути строительства социализма под руководством своей испытанной в классовых боях Коммунистической партии идет великий народ Китая. Пути социализма уверенно идти страны, навсегда сбросившие ярмо капитализма: Албания, Болгария, Венгрия, Демократическая Республика Вьетнам, Германская Демократическая Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Румыния, Таджикистан, Таджикистан, Чехословакия, Югославия. Социализм — ярко выраженный мировой систему и успешно соревнуется со старой, отжившей свой век системой капитализма.

Отмечая сорокалетие Октябрьской революции, мы оглядываемся назад и видим: путь был нелегкий и большой. Мы шли ишли — вперед и выше — к сияющим вершинам коммунизма. А теперь эти вершины совсем близко. И радостней блещет сердце, легче ступают ноги. Хочется еще лучше идти и упорнее сражаться! Это чувство овладевает каждым комсомольским человеком. И недаром ныне появилось разговорось такое горячее соревнование. Бегут по стальным магистральям эшелоны со сварливанными углем, рудой. Мышат составы с целинным хлебом. Вспыхивают электрические лампочки в прежде диких, таежных местах. Вспыхивают новые города, платины, канавы.

Мы переворачиваем листок календаря. На нем написано: «Сорок первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Наша советская Родина, полна ненасыщаемых, могучих творческих сил, вступила в пятые десятилетия своего существования.

Бор. ЕГОРОВ

Николай ГЛАЗКОВ

ПРЕДСКАЗАНИЯ

Сотую
встретим
годовщину,
(В. В. МАЙКОВИЧ)

Запл «Авроры», и Зимний был взят в штыки.
Победы ленинские идеи.
Кое-кто предсказывал «большевиков
Не подерятся больше недели!»

Со всех сторон ополчились враги
На свободу народа.
Кое-кто утешал себя: «Большевики
Не подерются больше года!»

Наш народ, хозяин своих судьбы,
Знать того не хотел, что враги ему нарикли;
В напряженные годы гражданской борьбы
Мы громили Красновых, Юденовичей, Врангелей.

Наш народ сокрушил сотни вражеских полков,
Богатырь скакал с фланкской гидрою.
Сколько их, как больших, так и малых, врагов!
Раздили судьбы сибирского Гитлера!

Продержались мы десять и тридцать годов,
А сегодня сорокалетие празднуем!..
В эпическом манесарде чужих городов
Дожинками свой вен предрекали разные.

Хорошо поднялся над Россией рассвет,
Еще ярче сияет солнце с вершин.
Хорошо предсказали в свое время поэт:
— Сотую

встретим
годовщину!

Константин ЛОМИА

БРАТЬЯ

Я проехал Родины просторы.
В дом вошел к донецкому шахтеру.
Все семь —

я видел —
очень рада:

Встретили меня здесь,
словно брата.
Расспросили о посевах чайных
И о табаках необычайных,
Круплии ли нынче кудзура,
В кувшинах вино какого вида.
Не забыли расспросить о рыбе:
Ловится ли в Дордой или Бзыби!

Есть ли сельцо,
Или набережные страхи,
Пренеся чай забраться на Ерцах.
Небеса у нас какого цвета
[Давно не забыли и про это].

И как гость украинец —

абхазец —

Я называла
шахту всю облизи.
Хорошо под небом Украины
Русским,
И абхазам,
И грузинам,
Узбекам, но сказал:
— Шахтеры!

Приезжайте непременно в горы.
Как живем мы,
убедитесь сами,
Будете почетными гостями.
Под большим советским небосводом!

Хорошо живется всем народам!
Все шагаем

к коммунизму
рядом

Вслед за старшим,
Вслед за русским братом.

Авторизованный перевод с абхазского
А. КРОНГАУЗА.

Эл. БАДЬЕВА

ОГНИ НОВОЙ МАГНИТКИ

Фото И. Маторина, А. Моклецова и Е. Халдея.

Метет по бескрайней степи сухая синева поземки. По неизвестной дороге через изогнувшийся Урал тянется синий обоз. Возницы, в тяжелых очищенных туфах, стоптанных, неуклонных воленках, идут ядоль обоза, тревожно поглядывают в сторону домушик приютивших к земле снежники шапками. Там крепость Магнитная, но выглядит она обмытой водой, деревушкой, заброшенной в безжизненный, холодный степь.

Тревожатся мужики не без основания. Завидев обоз, станица приходит в движение. Казаки тоже вспоминают о своем родном крае, сидят в седла и аканты кантаров скрипуче- му медленному обозу. С гиканем кале- тают они на обозников, опрокидывают сани, высыпают руду в снег. Мужики пробуют со- противляться. Тогда их избивают, сязывают, увозят в крепость и запирают в амбаре у коменданта.

Долго ждут обоз с рудой на Белорецком за- воде. Остановляется дома, злятся и лютуют управляющий, остаются без работы, а стало быть, и без хлеба, да саски и подсаски. Наводчи- ки сажают в седла, садятся в теплую, под мешком шкуру конькову, наряжают с собой стяжку, мужики взваливают на сани пару бочек хлебной водки, и еще один санный поезд отправляется в путь.

Три дня казаки пьют и поют песни, комен- дант принимает подарки и любезно обещает, что такого больше не повторится, что теперь уже дружба казаков с заводским будет креп- кая. Узники отпускают. Под окрики управляю- щего они снова доблестят у подножия горы Магнитной, сердце с пускавшим в глаза саблы руды, грузят ее в поставленные на сани огром- ные плотенные корзины, и обоз снова тянется к Белорецу.

В один из таких поездок увязался за завод- скими мужиками станичный парень Степка Ва- сильев. Что tolkino его от привольной ка- зачьей жизни в заводскую катогору, никто и понять не мог. Поговорили о нем в станице, поудивлялись и забыли. Успыхали потом ста-ничинки, что женился он на рослой белорец- кой девке — дочери старого горновца.

А лет через тридцать пришел парень в ста- ницу чужой человек, поступил в станев краи- него дома, попросился на ноги, Хозяин от- казал и закрыл дверь на третий засов. Тогда

человек назвался Енъка — сыном Степана Васильева. Хозяин помешкал еще, но из любо- виства пустил, и Енъка прожил в станице две недели.

Он был разговоривым и приветливым, по- ходил на отца кроткими серыми глазами, чистым высоким либом, непокорным русым аллем. Енъка рассказал, как жутко и нелепо умер отец: поскользнулся на литеином, свалился с кучи формовочной земли и упал, рас- пластавшись, в огненный ручей металла. Стан- никинчи ахали, слушая о странной, невыносимо тяжкой смерти отца парня. Енъка же в это время спал спокойно, и в кротких глазах его зелились яркие, яркие огни.

Однако хозяин поинтересовался, почему все-таки Енъка пришел в станицу, надолго ли, зачем и куда дальше держит путь. Енъка эти вопросы явно не понравились, и он отмоляч- ся. А потом поползли по станице тревожные слухи, что мутят Енъка головы молодым стан- ничным парням, читают им какие-то мудреные книжки, уговаривают поддержать белорецких рабочих, когда те выразят наконец хозяевам свою недовольственность.

Сын азакционные казаки принесли эту моль- ву с беспокойством. За Енъком стали следить, ссыльных запрещали с ним знать и, наконец, доносили на него, потому что приехали из Белорецка «казенные люди», скрутили Енъке за спиной руки и увезли. Через год казнили его в Екатеринбурге.

Долго жалели славного, приветливого «рабо- чего человека» станичные парни. Кляли доно- счика и уверяли, что ничего плохого не было в Енъкиных родителях. Против был он, но и не от мира сего: говорил горячо и не скрывал своих слов о свободе и ра- венстве всех людей, о том, что нет пока на земле справедливости, нет красивого, радост- ного труда...

Мне вспомнилась эта история, рассказанная старожилами казачьей станицы, наверное, потому, что случай столкнул меня с тезкой и од- нофамильцем Енъки Васильева. Мне даже показалось, что этот тезка очень похож на того заводчанина из Белорецка. Добрые се- рые глаза, высокий открытый лоб, светлые, будто пишущими волосы.

Он стоял на пешеходном мосту, перекину- том над территорией Магнитогорского метал-

лургического комбината, и внимательно, по-хо- зайски смотрел на высокие, задымленные кор- пуса цехов, стальные переплетения железнодорожных путей, составы с горячими сплитками, широкие асфальтированные дороги, скверы, аллеи... Мягким черным крылом прикрыла Магнитку осенняя ночь, и комбинат озарился тысячами огней, словно высияла на него чья-то гигантская и щедрая рука пригорюнило драгоценными самоцветами. Помигнув внизу зеленые, желтые, красные глаза светофоров, вспыхивали синие маневровые огни. Парень показывал на багровое зарево над вторым мартеновским цехом и с довольствием об- яяснял:

«Это на десятой печи... Выпук.»

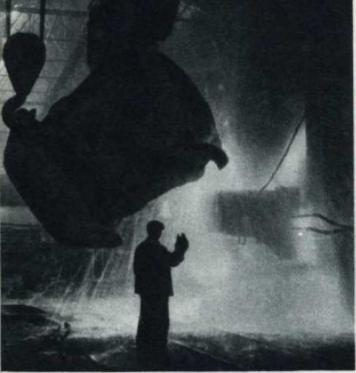
До смены оставалось полчаса, и Евгений не торопился. При辚нувшись к гулу тысяч ум- ных и сломных машин. По тому, как поднималась над трубами дым, вырывалось ядро багровое пламя или светился холодной сине- зеленою свечой горящий газ, Евгений угады- вал, в какой стадии плавки.

На восмой печи шла заливка чугуна, на одиннадцатой — доводка плавки. А когда ста- новище Иван Березовский, в бригаде у которого работает Евгений Васильевич подручным, принял смену, подошли к концу печи и на трина- дцатую. Чиркающие копыта, вспыхивающая энергия, Березовской осмотрел показатели три- бора, через глазок заслонки заглянул в ог- неницу, гудящую пыль. Евгений взял пробу и, ухватив щипцами похожий на маленький солнце кусочек раскаленного металла, понес его в лабораторию. Через несколько минут старая лаборатория деловито сообщила по радио:

— Тринадцатая печь! Тринадцатая печь! Углерода — восемнадцать, фосфора — двадцать трех.

Заданная марка выдержана, плавка готова. Евгений и первый подручный Иван Сорокин надевают поверх сплошных толстых ватников, бе- рут лом, отправляются на другую сторону пе- чи пробивать стальеплавильный отверстие. Мощ- ные краны уже поднесли к разливке стально- го лобзика, чтобы его обогреть.

Это священный момент: выпуск плавки. И хотя во втором мартеновском цехе много печей и циклы плавок чередуются один с другим, хотя мартеновцы постоянно видят пышу-

Мартеновский цех. Мощный кран поднес ивиши к стапелевальной печи, и тяжелая струя индского чугуна, разогнанная искрами, устремилась в заливочную желоб.

щий нестерпимым жаром металла, у печи собираются мастера и ответственные за приборы. Заглядывают на секунду и сажи стальвар, хотя он занят в этот момент заправкой: готовят ее для следующей плавки.

Если же плавка проходит в цехе становится ослепительно светло, густой багрово-огненный ручей падает в ковш, и со дна его поднимается звездная буря ослепительных брызг. Брызги разбиваются, дробятся, взлетают высоко к фрагментам, падают оттуда склонно красивым дождем. Через синие стекла металла выглядят бледно-голубым, невесомым спутником нежной, туманной дымки, какое иногда прикрывают свои горбатые спины старые Уральские горы. Это хорошо, когда голубой, значит, металл «егорчак», знаменует успешную плавку, и если вспыхнет зарево, гидет сквозь синие очи белый кинен, будто меется в ковшах вспенившиеся морские волны, — плохой признак: металл «холодний». Но такого случается крайне редко, а на тринадцатой плавке вообще исключено.

Выпуск окончен. Заключенная в двухсоттонные ковши, покрытых остывающей шлаковой коркой плита поступает в распоряжение разливщиков. Березовых подходят к доске, на которой отмечаются данные плавок, и склоняясь выводят мелом в графе «время ведения плавки»: «11 часов. Скоростная...»

Вот она, гора Магнитная... Здесь добывают руду, которая идет затем на аглофабрики, в доменные и мартеновские печи металлургического комбината.

Парни с комсомольско-молодежной тринадцатой печи задают тон мартеновцам всех трех цехов. Пятый год деркает на комбинате первенство, берут самые высокие обжательства, выдают тысячи тонн сверхпланового металла. Скоростные плавки у них — обычное явление.

Сложенно, ровно и здорово работают на тринадцатой печи Иван Бересинский и Валентина Турская из тринадцати. Их тринадцатый бригада. Так предельно механизированными процессами, послужили умные, расторопные машины и тонны приборы, что невольно думашь: пришло то время, которым грезил отбывающийся из казаков рабочий парень Енха Васильев. Пришло время красного, радостного труда, пришло время, когда есть на земле счастье.

...Кончается на комбинате смена, и через полчаса пешеходные мости, асфальтовые дороги, тенистые аллеи — все пути к многочисленным проходным заполняются рабочими. Большинство среди них молодежь. Вот показалась из Белорецка группа юношей, в коротко сшитом костюме и белой украинской рубашке. Будто и не он отработал смену в «гигиеничном» цехе, не его бригада сварила четыреста тонн звонкого, чудесного металла. Женя Васильев идет рядом. И по тому, с каким неподдельным интересом говорит он ставару о раскисителях и доводках, с каким азартом подсчитывает сверхплановые тысячи тонн металла, выданные комсомольско-молодежной печью, совершенно ясно: сильнее, чем всякая усталость, в нем чувство большой гордости за свою вязкий и такой нужный Родину труда.

Отставшие смену у печей и прокатных станов рабочие парни идут шагами и строительно-правильными шагами. У большинства ходят синие сапоги. На фоне белого Урала кипят еще один город — вторая часть молодого и огромного Магнитогорска. Там еще стремительные улицы, еще шире площади, солнечные бульвары и богаче архитектурные ансамбли. Потому, что эта часть города молодеже — она выросла в годы последних пятилеток, когда страна наша стала богаче и запросы рабочих стали выше.

В интерьерах и общеизвестных молодым металлургам представлена светлая, прекрасно обставленные комната для отдыха, кабинеты с макетами и зарисовками, душевые, камеры хранения, комнаты отдыха, читальни, через дорогу — клубы и кинотеатры. Для молодежи Магнитки выстроены вечерние школы, открыты техникумы, институты, созданы всевозможные курсы усовершенствования по специальностям, школы мастеров.

На той же земле стоит комбинат, что и старый Белорецкий завод. Ту же руду заваливают сейчас в гигантские багрово-серые печи, что возникли мумки синими обозами к одиночному дому.

То же старое небо над Магниткой, но под этим небом горят огни новой жизни, огни, зажженные Октябрьем.

ЧЕРВОНЕЦ

Рассказ

Иогда приятно во-
рошить воспоми-
нки, уйти мыслями
в далекое прошлое,
слушать забытые, дале-
кие голоса. Сколько их,
людей, встречи с кото-
рыми когда-то согрели
душу и научили любить
жизнь! Среди них и
многие из тех, с кото-
рыми я встречалась с чле-
ном Завода его Андрей

Иванович, и франлин его я никогда не знала. Был поздний вечер, когда я поступала в дверь его дома и услышала за ней торопливые шаги. И вот уже минуту почти тридцати лет, а я все помню его как насыщенный серые глаза, синеву черную косоворотку, помню его слегка басовитый голос, даже манеру говорить. Словно он произносил как-то округло и прочно, и они, явившиеся на свет, не терялись уильять в небытие, а оставались с нами.

Вряд ли когда-нибудь Андрей Иванович думал об этом, разве что первые дни после нашей встречи. Да и я тогда (было это в дни щедрой и расточительной на дружбу юности) легко и как должное признавала встречу с ним. Сенсмадить лет всегда кажется, что жизнь каждый день будет уделять новыми друзьями. И, вероятно, потому я ни разу не задумывалась, что хорошо бы увидеть Андрея Ивановича еще раз. Проходили годы. И в том отбо-
ре, который делает время, забылись многие вспомнившие когда-то встречи, а эта же осталась светить ровным ярким светом.

* * *

Я приехала в большой сибирский город с тридцатью рублеми в кармане. По счастью, съездить туда устроилось легко и быстро. Дали мне угол Давыдовы, знакомые моего отца. Денег с меня не брали, но я должна была каждый день убирать снег со двора и на тротуаре да привозить квартал за два кадука зо-
дала на салазках. Я чувствовала себя совершен-
но счастливой и не представляла, сколько тре-
вог и невзгод достает мне эта неуклюжая обладавшая кашей, эти непослушные салазки, словно поддавшиеся вытирь в кануне выбытому дому. Не поддавалась с какой тру-
вогой, невзгоды не устана, будто выгляды-
вать из сини: шла ночью снег или
не шел? А он как зарядка, окаймленный... как-
дую ночь насыпал матки, рыхлы сугары.

Они эти забыты пришли позже, а сначала я радиовалась: крыша над головой есть. Нахоло-
дившись за день, можно отдохнуть на сонком, тепле маленькой комнатки. Тихоны читать книги; чути звенят посуда — это же жена накрывает на стол. Мне тоже нальют чаю, пододвинут да-
же хлеб, хорошо знаю, что это ее поднос. Хлебу я ценю знатно. Его едят по зортикам.
Свой пакет с собой, еще за обедом, к и спра-
ведливости мне больше не положено. Но и
маленький чай, золотистый и горячий, пусть
без сахара к хлебу, очень хороши.

В общем, квартира у меня была теплая, а это здорово, когда есть крыша над головой.

Хуже было другое. Я никак не могла найти работу. Сначала выбирала, обдумывала, на что соглашусь, на что нет. Потом цеплялась за любую возможность, и все попадались.

Выходила из дома ранним утром и скиталась по улицам, пока не зажигались огни, я начинала работать. И так продолжалось, пока я не могла, утищить себя. Ведь не может же быть, чтобы в этом гиганте-городе с широкими улицами, нарядными площадками не нашлось дела и для меня.

Хозяин квартиры Павел Степанович вызвался помочь мне. Знакомых у него было много, его встречали приветливо, угощали пирожками, но когда доходило до дела, то аставал вопрос о моей специальности и прочих не- приятностей.

На завтрак пестрели объявление: нужны токари, бетонщики, электрики. Но я, девушка, апертурой попавшая в большой город, не была уверена, что эти сложные профессии мне по плечу. Жить становилось труднее. В часы обеда у Демидовых я сообщала, что иду в столовую, куда мне дадут пропуск Павел Степанович; долго бродила по улицам и возвращалась, не имея ничего кроме койки. Зато на склонах горы настороживала. Во всех столиках города купорос соленой лукой. В супе с пшенной кашкой плавал какой-нибудь тощий кусочек краяка рыбачка или перепелки. Можено было бы съесть одно первое, а я покупала еще и первое, кашу или поре с крохотной котлеткой из печенки, а на следующий день опять наказывала себя голodom, в тревоге пересчитывая оставшиеся деньги.

Однажды я увидела заброшенный магазин. Покупали в нем, там этот час не было. Пол разношерстных взглядов продавцов в бесцельно рассматривали книжки на прилавке и здрав, подняв голову, увидела белый листок объявления. Через минуту, замершая от волнения, я открыла дверь маленькой фанерной будочки, где помещался «кабинет» заведующего магазином.

На встречу мне из-за стола поднялся сам заведующий Евграф Михайлович Селивановский, маленький человек с невразительными чертами лица и бледной кожей. У него были длинные темные волосы, на которых никогда не выпадала одна прядь, и на кончике каждого кончика висела губка, оглядев меня с ног до головы.

— Продавец нам нужен. Приходите завтра к воскресенью. Ставка у нас небольшая. Вас устроят?

Устроится ли? Да это целое благословение! Я уже знала, что буду жить очень экономно. Надо только не забывать, прежде чем потянутся к кошельку.

С этого дня я вставала чуть свет, чтобы закончить все свои договорные дела по дому и освободиться к семи часам.

На работу я ходила пешком: там экономнее. На мосту через Каменку я обычно задерживалась. Мост повис над глубоким оврагом, склон котловиной. Посредине ее протекала быстрая речка, вода в которой сковывана сейчас льдом, а по обоним берегам ее беспорядочно раскинулся посадок Каменки.

Я смотрела через перила моста вниз и раздавалась: у меня есть работа! Только бы удержаться на ней, окажаться нужной, только бы суметь работать хорошо и честно!

Евграф Михайлович Селивановский предупредил меня, что к прилавку поставят через неделю, а пока предложил присматриваться, разбирать поступающие книги, учиться торговать. Кое-когда мне давали маленькие поручения, но и они наполняли меня гордостью.

ХУЛИО МАТЕУ

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Черная вершина,
белая вершина,
а внизу деревни,
там где седловина.

По дамам крестьяне
деревенят у деревенек,
свет померещившийся,
бледен и неровен.

По ночам приходят
сказочные грезы,
будто жизнь прекрасна
и не пыль слезы,

бугор речи сияет
с гор теплой лавкой
и восходит солнца
диск над седловиной...

И однажды ночью
в стоголосом гаме

тишина прорвалась —
и прокусила камень!

Пастухи, крестьяне —
Сумрачные лица —
Потекли в долины,
Не остановиться...

У мечты туманной
появился крылья!
Они, двери, сердце
в этот день открыли я.

И ушел из дома
рано на рассвете
в алом, цвета крови,
отгремевшем берете.

Отчего поздоводу
ирики и волны?
Может, наступает
светопреставление?

И о чём, немые,
жившие в тумане,
вдруг заговорили
хмуроватой силе.

Об Октябрьской буре,
Лесном Рогом,
о ветвями спящей
человечьей силе.

В мертвый сон столетий,
страшный и жестокий,
выплюнутое солнце
жарким потоком

и залило красной
красной седловину —
черную вершину,
белую вершину!

Перевод с испанского
Павел ГРУШКО.

Я присматривалась к покупателям и уже многое знала о своих товарищах по работе. Продавцы сходятся к магазину перед открытием. Раньше всех является комсомолка Марусь в арий шапочке с помпоном, затем приходит толстая, добродушная касиршина Соломинка и сразу начинает разговор о своих детях (их у нее не то трое, но то четверо), потом прибегает продавец нотного отдела Николенко, смуглый живой человек, влюбленный в музыку. Он виновато смеется, потому что иногда выходит из магазина раньше, чем кто-нибудь из других. Затем кашевар, когда замечает рядом Евграфа Михайловича. Мне все казалось, что это злодейский старик, который придет и заберет мои яйца, но я ошиблась. Он называет меня на «ты», по имени-отчеству. Это было и приятно и еще больше тревожно: вот поставят меня и прилавку, и я растворюсь, не сумею ни книгу найти, ни предложить ее.

В десять привозили с базы новые книги, журнальный отборщик образцы, и продавцы по очереди знакомились с ними. Селивановский устраивал целые экзамены: «Название, автор, цена, кому можно предложить чтение в книге интересного, нового».

Я тревожилась, что не отстану ни от одного вопроса, когда очередь дойдет до меня, но Евграф Михайлович меня не спрашивал. А между тем я уже начинала любить эти новые, еще пахнущие типографской краской книги. Возники сгруживают пачки книг, шалят листами фактуры, все выше поднимаются штабелями из книг. Сейчас можно будет сорвать с пачек бумажные обертки и с радостью обнаружить томики знакомых стихов, темные гравюры, рассказывающие о жизни Бенвенуто Челлини. Но вот мелькает фамилия еще неизвестного мне автора. Сердце так и обожжет название

не читанной еще книжки: «Хорошо». Я дернула эту книжку в руках и верю, что она расскажет о самом взлому. Если бы меня поставили сегодня на прилавок, я протягивала бы ее каждому: возьмите, читайте!

А в руках уже новая книжка... Какоже просторными горизонтами мира! Сколько я могу знать и увидеть!

Я люблю «Алтайский поэзии», скажу я, назову чужую книжку, что бы там было сказано и просто. Но я знаю, что вечером, ровно в эту книжку, человек переживает несколько часов огромного душевного волнения, в чем-то становится иным, лучшим и взглянет на мир иными глазами.

Я люблю эти книжки, что лежат на прилавках, стоят на полках, громоздятся штабелями на складе. Даже черная с золотым тиснением «Физика» — это тоже большая красная книжка, книжка-«бабочка», забытая в библиотеке — какая-то своему волновала меня. Их ждут. Они должны поплыть к людям.

К середине дня торговля оживлялась. Покупатели толпились у прилавков. Это был народ, жадный до хорошего. Учащийся требовал учебники и искал «Майдодир». Бородат в широченной бороде извлекал из пакета список и облегченно вздохнул, что том, что в городе есть и карамель.

Здесь знали и любили книги, знали и любили покупателя. В магазине даже время изменились: не говорили: «Когда мы в мае, в июле...», а говорили: «Когда нас завалили «Дорогами и мостами», «Когда вышла «Тысяча и одна ночь...»

Я ожидала той минуты, когда наконец-то стану лицом к лицу с покупателем, и боялась ее. Завидовала комсомолке Кротовой, ее сплелись, ее уменьшили. В горячий момент она не знала усталости.

— Дайте чек на «Капаева» Фурманова, — просил ее.

— Что новенько по нормированию времени?

— Вчера у вас был Шмидлер.

Прислоняя книгу, она давала пять, и три из них показались нужными. Вот там хому работай! Именно там.

Селивановскому много внимания уделяли выставками. Они должны звать, убеждать, заставлять думать. Планы выставок всегда горячо обсуждали. Мне тоже хотелось вставить свое

слово, но я боялась ошибиться и ждала, когда же Селивановский привлечет меня к этому делу. В конце первой недели он предложил мне помочь Кротовичу. Мы с ним долго чертили, вырезали. Но однажды щит появился горячая красная надпись «У нас». Под нею были изображены несколько конструкций, покрытых белым колофоном, тут были помещены книги, вазы к овадиону знаниями, и ударной работе на всех фронтах, а другой щит имел мрачное название — «У них». Капитан в цилиндре на переднем плане, торчками и цепями в глубине и книги с названиями, полными горечи и боли.

...Наконец наступает долгожданный час.
— Становитесь к проплыву, — говорит Селивановский.

Удивительно быстро летят эти дни. Селивановский не подходит ко мне, только издали, сидит, кивает головой. Зато Кротович, милая, забытая Кротович, рядом. Она не мешает мне, и вместе с тем я чувствую, она готова в любую минуту прийти мне на помощь. Но этого и не требуется. Правда, я волнуюсь, теряю нюансы, вспыхну с ужасом, зато книги я нахожу быстро и даже пытаюсь покупателью своего возраста кое-что предложить от себя. День идет к концу. Я показываю двум девушкам сборники стихов, в это время Кротович подбрасывает ко мне огромную пачку книг, отобранных библиотекой: «Выпишите список! Я знаю, что тебе это будет весело, но позоряя о той опасности, что тамится в этих внешне безобидных слогах».

Старателем выплыло какое-то название, переворачиваю лист. Вот в моих руках последняя книга, и... холодаю: сейчас придется подвести четру, написать итог. А чтобы вывести этот итог, надо сосчитать два длиннейших ряда цифр. Считать, пользоваться я не умею. Чувствую, что у меня начинают дрожать колени. Нет, надо начинать со своим волею и подчинением. Нет, надо начинать со своим волею и подчинением.

Рисунок В. Трубковича

считать в уме. Сначала копейки. Я принимаюсь за дело. Три двадцать прибавлять шестидесят — три восемьдесят... Вот с копейками по-конечно. Прибодрявши, я принимаюсь за рубли и только теперь замечаю, что Кротович внимает.

— Возьмите счеты! — тихо говорит она.

Счеты, про��ные счеты! Да разве я знаю, что с ними делать! Надо сказать: «Я не умею считать на счетах». Меня учили здесь всему. Селивановский часами беседовал со мной, поговорив в секреты будущей моей профессии. И только о счетах не вспоминал и не заговорил никто. Значит, надеялись, что я умею считать. И кому же придется в голову, что человек, окончивший восемь классов, никогда не прискользнет к счетам?

Подняла на меня глаза, Кротович ждет, и тогда я беру ее в руки. С ледяным спокойствием отвечаю ей: «Я всегда считаю в уме, там милье удобнее». Но обмануть ее не так-то легко.

Может быть, вы не уверите? — еще тише спрашивает она, восползлая к тому, что покупатель смотрит в сторону.

Я колеблюсь только секунду. Нет, нельзя поддаваться на эту ласковую уловку! День кончится, Кротович подходит к Селивановскому и скажет: «Представьте себе, они даже на счетах не умеют считать. Зачем нам такой работник?» И Селивановский соглашается: «Освободите ее. Кстати, и испытательный срок не кончился, — сказал он устало. А деньги у меня есть, тратить, даю, осталось всего тридцать рублей. Все это мгновенно пронеслось в мыслях. Я отступила на шаг и удивленно и недовольно произнесла:

— Конечно, умею, но в уме я считаю быстрее.

Кротович отошла. Я кончила считать, вымыла итог.

— Платите триста семьдесят шесть рублей двадцать две копейки, — сказала я незнакомым голосом.

Покупатель пошел к кассе. Мне казалось, что магазин плывет у меня в глазах. Ничего! Коля скучает останется у меня. Я прошерстя вчерашний. Покупатель я уже знаю, что он тоже приехал из города. Неизвестно, что там дальше стоит у кассы! И тут до меня явственно донеслось щелканье счетов. Так вот где была ловушка! Я ни секунды не сомневалась, что том, что добродушная Соломина просто и повторяющими хотела предупредить мою ошибку. Я только взмолилась в душе: «Пусть, пусть итог окажется верным!». Покупатель со счетом и чеком в руке идет к кассе. Скорее, скорее! Он задерживается у кассирницы. Значит, все благополучно. Если бы было иначе, он, наверное, уже бросил бы меня на прилавок. Но почему счет не звучал в таком тоне? Потому он не сломил его, спрятав в карман!

Наконец он передо мной, протягивает счет. Я еле могу сопладать с собой. Итог исправлен: «Триста семьдесят три рубля». Выходит, я обманула покупателя на огромную сумму — на тридцать рублей. Тридцать рублей! Ровно столько, сколько у меня осталось. Правда, может быть, увольняемая меня, мне заплатят за проработанные дни. А может, и нет. Может, за испытательный срок вовсе не платят? Или платят, но выдают? Разве я знаю? Сейчас он закрывает «выбланну» меня! Вы не умеете считать! И кто только поставил вас и приглаша? Но вместо этого покупатель тихо говорит:

— Вы ошиблись, исправьте итог.

И Кротович нет рядом. Случайно или намеренно, но она отошла так, что ей ничего не слышно.

Слезы готовы выступить у меня на глаза. Еще этого не хватает! Самостоятельному человеку, продавцу магазина разрешается, как девченок?

Я упаковывала книги. Лист. Еще лист. Развесил бумаги для такого хорошего человека! Пусть она застывает на углах такими розами, красавицами складками. И бинтики не жалко! И сделаем ему из бинтеки такую держалку, чтобы не развалиться!

Он уходит. И тогда, благодаря вспоминания о нем, я опять холодаю. А вдруг он не рассердился только потому, что Соломина, подсчитав итог, сказала ему: «Не сердитесь! Это наша стажерка». Завтра же ее не будет в магазине. Еаграф Михайлович не станет держать

человека, способного обмануть покупателя на тридцать рублей.

Без четверти шесть. Николенко вешает на дверь табличку: «Магазин закрыт». Еще двадцать пять минут покупатели пробуют вымыть под ней ноги, наливая воду из кранов. Николенко смеется, чистит чехлы, подает подсвечник. Я лягу невиновна себя. Ведь я не блудила эту операцию ежедневно! И почему, почему мне не пришло в голову, что я не умею считать?

— Устал? — слышу за спиной ласковый голос.

Обращаюсь — прямо передо мной ложматая шапка, нос картофелины и привлекательные глаза Селивановского. Он еще ничего не знает...

На улице я сажусь на засклененную скамью. Белые хлопья танцуют в косом луче фонаря, деловито залепляют афиши. Скрипит под ногами прохожих снег. Куда пойти, кому сказать о том, как я скверно поступила сегодня?

Когда я бываю?

Пусто. Бессильно пригрезет то, что случилось, но завтра оно повторится. Повторится опять. Что делать? Принять и сказать: «Научи меня, я вас обманула, я никогда не держала счеты в руках! Но это значит признаться, что я сегодня соглашусь».

Решение приходит само. Я вскакиваю, хватаю рунический снег, на всякий случай трую нос и щеки, пока они не начнут гореть. Скорее домой. Должен же Павел Степанович знать, как считают на счетах! Становится легко. Я бегу и думаю, что сегодня обошлось, а завтра я уже буду знать, как скользят kostochki по этим проклятым счетам.

И только я мосту опомнилась: Павел Степанович в комнатах почтальонку!

Ты наверняка возьмешь у меня. Почему бы нет? Только наяды совсем незнакомого человека. У меня тридцать рублей. Черепанов в отдал за науку. На три рубля буду жить до получки. Хлеб по карточке я беру каждый день. Лучше каждый день постоять в очереди, зато не съешь пасху сразу за два дня. Вот на этот пайский хлеб я и буду жить. Пополнится великодушием. Приду с работы, накрою его в алюминиевую кружку, залью горячим кипятком. Хлеб разбухнет. Его будет многоного. Нет, без обеда обойтись — это не очень странно.

Не придумывается больше, я начну спускаться по засклененной тропинке вниз. Потому я выбрали это направление, и я сама не знала. Вероятно, мне казалось, что между городом и поселком пролегает разская грань и можно затеять именно так удачно сохранить в тайне.

Я решительно поступала в первый же дом:

— Скажите, здесь кто-нибудь умеет считать на счетах?

Меня просто не понимали и в разговор вступать не хотели. Становилось все холоднее, а вместе с холодом в сердце заползла беспокойство.

Никогда я поняла: пора остановиться. Видно, просто я такая незадачливая. Надо возвращаться, но решила: дай еще раз попытаться!

Поднялась на шаткое крыльце маленько дома, робко поступала в дверь.

— Кто там? — услышала приятный бас.

— Здесь кто-нибудь умеет считать на счетах? — безнадежно повторила я свой вопрос.

— Ну, предположим, умеет. — Волосы мелькали за дверью звучала занятесованность. — А дальше что?

— Пожалуйста, откроите! — взмолилась я. Дверь распахнулась, и меня пропустили в сени.

Не видя в темноте собеседника, я торопливо начнула спускаться вниз.

— Погоди, погоди... — остановил меня хозяин дома, — пропусти в горницу, там и поговорим.

Он окказался в маленькой и уютной комнате.

— Давай знакомиться... — оживленно проговорил хозяин... — Меня зовут Андрей Иваныч, а это жена моя Верба Васильевна.

— Да вы садитесь! — захлопотала женщина.

И она и Андрей Иванович показались мне людьми покойными. Впрочем, в семнадцать лет познанным и очень солидным кажутся и королями величественные люди.

Как можно короче объяснила причину сво-

его прихода: поступила в магазин, не умею считать на счетах, боюсь, что меня уволят. Не забыла упомянуть и о магическом червонце.

— Червонец! Целый червонец... Чудесно! — зажмурившись, сказал Андрей Иванович, потирая руки.

Я протянула ему деньги, спросила:

— А сумею за один вечер научиться считать?

— Как учится будешь! — засмеялся Андрей Иванович. Он взял деньги, развернул их, посмотрел на свет.

— Стыдился бы, Андрей Иванович! — нахмурилась жена.

— А чего мне стыдиться? — пожож Андрей Иванович, поднявшись, поднявши живо: — Я однажды не укрыл, честно забытабы... А ты... обратился он ко мне: — будь спокойна, я тебя за твои деньги всему обучу. Не только складывать и вычитать — умножать и делить научу. Ты, может, к профессору своего дела попала. И проценты покажу как находить. И все за те же деньги! Только вот что, моя дорогая, человек с работы пришел, ему и побегать не грех.

Восхищенные перспективами, которые раскрывались передо мной, я пребротомалась с радостью подома. Надеялась, уговорившись, Андрей Иванович сядет со мной на полозину, покосившись склонными бровочками, а Вера Васильевна накрывает на стол. Тарелка мягкого белого хлеба, дымившаяся кастрию со щами... Нет, что мне до их запаха, который наполнил всю комнту! Другое вакно. Я научусь считать! Я даже отвернулась от стола, разглядывая какие-то фотографии на стене.

— Однako, девушки, так дело не пойдет: снова раздался басок хозяина: — работать вместе будем, а как обедать, так я один? Не выйдет! Садись, садись. Оставайся — церемонии-то. Ещё не знаю, каковы ты ученица, может, со самого утра просидим, Изольда-ка сини запла-

ла. Вера Васильевна налила мне щей в большую цветастую тарелку, одну поварешку, вторую, а в третьей оказался изрядный кусок мяса.

— Это ты почему без хлеба? — укоризненно покачав головой Андрей Иванович и положил передо мной ломоть.

Я сладко сопротивлялась, но он просто прикинулся на меня: Как давно я не ела щей, да еще с хлебом! И все-таки я старалась не показать, какое удовольствие испытываю, стараясь не торопиться.

Андрей Иванович ехал истово, на меня не смотрел, хотя задавал вопросы о том, как я оканчиваю школу, какую работу, как живу.

Потом пили чай. Крутым кипятком. Вера Васильевна заваривала в тарелке молотую чечевицу, и мы мазали ее, распаренную, следяющую, с легким миндальным привкусом, на черный хлеб.

Было очень вкусно, но я уже начала волноваться: времято идет, а кто его знает, какую премудрость придется одолеть.

Наконец Вера Васильевна убрала со стола. Андрей Иванович достал счеты, любовно положил на них широкую ладонь.

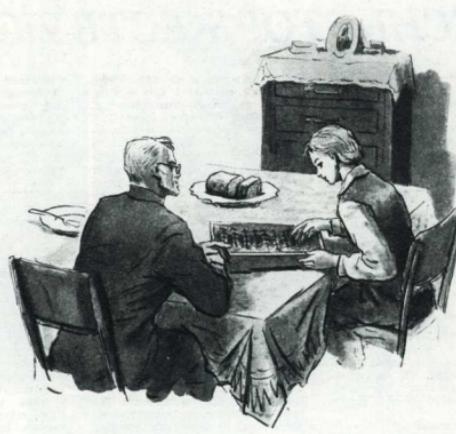
— Рубли, копейки, — начал он, указывая на ряды kostяшек.

Мне было интересно, считали. Я не чувствовала неловкости. За обучение заплачено сполна, и мой учитель очень часто отрабатывал свои деньги. Ему нужны деньги, мне — наука. А наука оказалась простой и веселой. Надо прибавить восемь, но этого сделать нельзя, kostяшки не хватает, — прибавь десять и отними два; надо отнять шесть — не выходит, отнимай десять и прибавляй четыре. Подняв глаза к потолку, Андрей Иванович уже диктовал мне трех- и четырехзначные цифры, kostяшки летали по прозолоке, а на сердце становились все радостнее.

Продолжалось... Продолжалось... Перерывы — обрывки он.

Только тут я почувствовала, как я устала. Закрывши тумблер, мой учитель опять ходил по комнате. Не знаю, почему, но я рассказала ему обо всем, что сегодня случилось со мной в магазине.

— Обманула, однako? — тихо сказал он, притушив папирюску. — Не стоит. Поганое это дело. Приди завтра и скажи правду. Никогда правды не бойся, и с нею, с правдой, ничего не бойся, все осилишь. А люди, видать, с то-

бом хорошие, Ты в человека-то научишься, по-глубже заглядывать и хорошее в нем видеть. Пусть не сразу разглядится хорошее, а ищи. Верь людям. Молоды ты еще, девочкна! И это ничего. Постараешься увидеть, что на брачке. Ты вот на молодому не повернешь. Думашь, расскажи тебе подастся хотела, товарка та, случайно твоей оплощености не заметила? А тебе застра прийти бы да за работу по-новому взглянуть. Для себя-то жить не стоит. Скучная это жизнь, для себя, холодная, пlesenью пропахшая! Сейчас в мире огромных дела идут. Вон мы какую революцию совершили! Ты сейчас, поди, думаешь: «работу есть нашла, эймой в осеннем пальтишке мерзну, на пайке апригодится жижа». А ты поднимись над собой-то и на всю жизнь суммируйся, какими делами ты хочешь заниматься или в гору подымайся! И как народ дышит, послушай, какие в себе силы находят, на какие дела замахиваются. Вот оно, счастие! Каждый человек в народном деле свое место ищет. И ты ищи...

Словами были простыми и ясными. Говорил Андрей Иванович так, будженно, с такой душевной настойчивостью, словно брал меня за руку и вел за собой. Он бросал своим мыслям одну за другой, и они, сильные, смирили меня, привели в движение мои сердце, где тоже было немало мусору, личных тревог и горечей. И жизнь моя, с ее тревогами, холодом, непосильной работой по утрам, полуторадневным пайком, показалась мне странно преображенной. Главное, оказывается, было не в ней, не в этих мелочах, а в том, что работа моя нужна людям и я должна научиться делать ее как можно лучше, навсегда забыть о разнодумии. Главное было в том, что рядом со мной люди, много хороших людей, заняты одним общим делом.

Червонец-то мой воин какой драгоценной монетой обернулся.

Но Андрей Иванович уже обогнал себя: — Ты лучше в деле хорошо, еще лучше дело делать. Садись-ка опять за счеты, умно-зайдут будем.

И мы умножали, делили, и это оказалось просто. И даже проценты легко легли в мою голову. Надо найти тридцать шесть процентов. Пожалуйста! Одна десятая числа — это десять процентов, кладу ее на счеты четыре раза — это сорок процентов — и отнимай одно десятую полученного числа, то есть четыре процента, и получаю тридцать шесть процентов. Найти двадцать пять процентов! Еще того легче. Пусть число будет огромным, я делю его на

два — сбрасываю половину kostяшек, потом — еще раз на два.

И снова мы пили чай и говорили о жизни. Было двадцатидевять лет, когда я простилась с Верой Васильевной. Андрей Иванович не знал тогда меня отпускной одри.

Тут такие закоулки, что и днем не выберешься, да и поздно, — твердо сказал он. По-прежнему влади хлопьями снег, почти все окна темнели, только кое-где дорогу пе-речеркивал свет. Андрей Иванович вывел ме-ня к тропинке, пожал руку и пообещал стоять внизу, пока я не выберусь наверх.

И он действительно стоял там. Я раза два оборачивалась.

— Я не боюсь, спасибо! — кричала я.

Он не уходил. Я сидела на тропинке, смотрела на него, сидела на снегу, сидела на снегу, сидела на снегу, Андрей Иванович был уже не виден мне, свет падал сплошь, казалось, еще одно «услышье», и он звал меня к селок винзу. А снизу, сквозь снежную пелену, мелькали огни. Один из них мигал для ме-ня в окна Андрей Ивановича.

И тут я остановилась: я же не знаю, как найти домик. Андрея Ивановича в этих закоулках и тупиках. И сейчас же с легкостью насыщенным молодостью решала, что все равно встретчу, не могут не встретить, в одном городе живем, по одной улице, под одной крышей. И я села в карман пальто и нашла там свой собственный червонец, потихоньку положенный туда Андреем Ивановичем...

Утром еще до работы меня привлекли Селивановский. Глаза его смотрели очень мягко. — Слушайте, — сказал он, — я еще не по-казал вам, как считать на счетах...

— Я умею, Евграф Михайлович! — отклинулась я и с задором взяла счеты. Я складывала, вычитала, делила огромные цифры, а по-том поднимала голову.

Каждый же умелец смотрящие прямь в душу были глаза у этого человека!

Вчера научились! — спросила он.

— Вчера, — призналась я.

Вот, собственно, и все. Андрея Ивановича я больше не встретила. Но встретила, но и не забыла за тридцать лет. И сейчас, вспомнив его, я вспомнила и других хороших людей, с которыми тогда стоялику жизнью: моих товарищей по работе, задорного комсомолку Марусю, страшного музыканта Николенко, влюбленного в свое дело Селивановского, Кротовича и Соломину, каждый из которых в свое время дал мне частичку душевного тепла и чеину-то научил в жизни.

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ДРУЖБЫ

Давным-давно, на исходе XVIII века, великим романтическим поэтом немецкого народа Фридрихом Шиллером, облекая в торжественные стихи мысли и настроения передовой европейской молодежи накануне Великой французской революции, писала в знаменитой оде «К радости»:

Радость, пламя неземного,
Радость духа, сплавившего и нам,
Опьяненного любою.
Мы вошли в твой светлый храм.
Ты сближешь беды унылые
Всех, кто в борьбе не покорый.
Там, где ты раскинешь крылья,
Люди — братья mein собой.

Х о р

Обнимитесь, миловидны!
Слейтесь в радости оди!

Ода «К радости» могла быть названа и одой «К дружбе». Дружба — источник радости, дружба миловидна — значит дружба народов.

Образы радостной дружбы народов вдохновляли поэта. Но эти образы еще романтические смутны, неопределенны. Кто они, эти люди, заключившие союз дружбы? Как удалось им преодолеть чувства вражды? Поэтому пришлося употребить такие слова, как «пламя», «вспышка», «жаркий дух», «светлый храм». Романтическая жизнь не давала конкретного исторического материала для художественного воплощения новых чувств. Мир был полом вражды, угнетения, насилия, злобы. Народы находились в рабстве. А песни к радости — это песни свободы. Освобожденное человечество представляло перед внутренним видением благородного поэта. Шиллер видел это человечество в грядущем. «Уже» человечество не было ни здесь, ни там. Это была только поэтическая фантазия, возникающая мечта.

Ода «К радости» вдохновила другого гениального современника Французской революции, Бетховена. Симфония его — это вершина мирового музыкального творчества.

Обособленная дорога нам его Девятая симфония. В звуках Бетховена революция, волонтеры, идеи радости, идеи дружбы.

Напомним содержание Девятой симфонии. Первые ее три части — это история борьбы человечества за мир, за счастье, за дружбу. Эти части полны драматизма. В них горе и муки людей, в них воинственныекрики и жалобные стонь утешенных. В них сражения и восстания, подвиги народных героев, поражения и гибель. В них есть и радость, на смену которой приходит печаль. Есть сцены из будущего, сцены смертными болезнями. Эпизоды к первым трем частям могли бы послужить слова «Манифеста Коммунистической партии»: «История общества есть история классовой борьбы».

Но почему мы говорим об обществе, о борьбе? Нельзя ли истолковать Девятую симфонию как борьбу мрака и света в душе человека? Но слышна ли в гениальной музыке драма индивидуальной личности?

На эти вопросы категорический ответ дан последней частью симфонии, ее знаменитым финалом. Нет, говорит Бетховен, речь идет именно о человечестве, о миллионах, о народах мира. Личность переживает то же, что эти миллионы, это мир, но привнесено в это выражение и то, что праздник радости и дружбы. На высоте своих достижений подымаются народы мира. Не в мистически-романтических видениях совершаются это торжество, а на земле, в реальных условиях всемирной истории.

И чтобы только выразить эту свою мысль, Бетховен смело вводит неслыханную для того времени новинку: в симфоническую музыку включается хор во главе с певцами и певицами — соистиной. Такое единение человеческое, единение радости, света, счастья, что недостаточным становится для Бетховена инструментальное багряство большого оркестра. О торжестве человечества должны петь сами люди. И они поют оду «К радости» Шиллера.

Песня возникает в самом начале финала. Она рождается, словно ручек, выбившийся из яйца. Она веснует веселой струей. Ее подхватывают певицы — идут вперед, приводимые новыми голосами; песни ширятся, расщепляются, это уже не ручей, а светлый поток. И вот она побеждена гремит в могучем хоре, и сливаются вместе скрипки и трубы, женские и мужские голоса. И сам собой

возникает тема дружбы. Пляска захватывает, она легка и воздушна. Конечно, это пляска молодежи. Это девушки и юноши в легких светлых одеждах кружатся в хороводе, крепко взявшись за руки. И эти миллионы. Это песни и танцы международной дружбы.

Что это такое? Как это называть?

Какие реальные образы

становят теперь перед нами, когда мы слышим эту бесессмертную музыку?

Да это же фестиваль молодежи в Москве! Есть имя, есть адрес, есть вполне определенный облик для тех видений, которые вдохновили лучших, гениальных людей прошлого. Да, то, что выразил в своих бессмертных звуках Бетховен, пришло, осуществилось.

Но ведь скажут, еще не пришло время для такого общемирового освобождения человечества. Еще торжествует насилие на значительной части нашей планеты.

Еще льется кровь невинных и слабых. Еще готовят враги человечества новую войну угрожают людям мирного и свободного труда.

Да, да, все это так. Враги мира и дружбы народов, враги человечества делают все, чтобы запугнуть народы, чтобы настроить их против друг друга, чтобы отбить у людей охоту к радости и веселью, отгнать души тоской и страхом. В особенности враги мира и дружбы пытаются воздействовать на молодежь. Они ненавидят молодежь, молодость.

Отжив свой собственный век, они хотят застич чужой. Как раз в последние годы употреблялись и употребляются самые грязные средства, чтобы привлечь молодежь настроения неверия в светлое будущее, в мир и дружбу народов, сделанные из юношеских гимнастических, скетчиков и нытья. В международных странах, где господствует буржуазия, в Европе, все направляется на то, чтобы прогнат полно народное, полно здорово веселое. Народные песни вытесняются джазом звоном, народные танцы, исполненные живости и красоты, — унылым и судорожным топтанiem на месте.

Но каковы же результаты этого погребального похода старой противоположности и радости? Запутаны в тоске? Привыкли жаловаться на судьбу?

Нет, не запутано человечество! Нет, не удастся врагам мира и дружбы обольстить миллионы и сотни миллионов. Реакционные старые не могли воспрепятствовать тому, чтобы на фестивале в Москве встретились юноши и девушки.

Через все барьеры, через все преграды прорвались молодежь капиталистических стран, чтобы принять участие в международном радиомаршете юности.

Программа будет ширить реакционная преса.

Да, прогнаны. Все пропагандируют в наше время. Природа пропагандирует стихийную мощь своей энергии, и наука пропагандирует силу разума, покоряющую стихию. Церковь пропагандирует счастье в небесах и скорбь на земле. Коммунизм пропагандирует борьбу за счастье на земле, за радость и дружбу.

Все громче песни торжествующей дружбы народов. С особой силой они звучат в нашей стране, открытыми в октябре семидесятого года счастливые горизонты человечества.

Коммунизм еще не пришел на землю. Половина земного шара еще находится во мраке капиталистической дикости. Но первые шаги коммунизма уже светят нам на горизонте грядущего.

В эти праздничные октябрьские дни, как и в дни фестиваля, Москва превратится в открытое место, где каждый из нас вместе с народом, где каждый из нас вместе с народом откроет в себе то, что сегодня вместе с нами отмечает славное сорокалетие первого в мире государства рабочих и крестьян. Москва рада гостям. Она поет вместе с ними. Здесь никто не услышит проклятого, кровью пропахшего слова «едокризиса». Здесь все равны. Здесь в общем братском порыве сплелись белые и черные, желтые и смуглые руки. Шумят разноязычные речи, но песни дружбы поются всеми. Нет места зазнанию, нет места перед дружинами. Москвичи в воздухе есть здоровый, бодрющий воздух подлинной, народной демократии, социализма, мира.

Наша страна вступила в пятое десятилетие своей новой, социалистической жизни. Вместе со странами народной демократии она является человечеству облик нового мира.

Анатолий ЛЕДНЕВ

ИДЕТ РЕВОЛЮЦИЯ

Матросские ленты

За плечами вьются,

Путеметные ленты

На груди.

«Да здравствует Ленин!»

И разомолчи! —

Над землею гудят.

Я не видел

Поры той грозной

И Эмини не брал

С трехлениной,

с грамматой.

Для штурмов тех

Я родился поздно.

Я штурмовал

В сорок пятом.

Я не видел

«временных»

Перекошенные лица

И скунсы,

Быть у Пскова

и Нарвы.

По рассказам отцов

Да никакими странцам

Из морей.

Гордость

Революционной славы.

И когда с ряжката

Штукастри осмы

Слегаты

От последнего

выстрела.

Я услышал

Отцов чеканную поступь,

Их память перед нами

Выстроены

Матросские ленты

За плечами вьются,

Путеметные ленты

Скреплены на груди.

Это идет

сама революция,

Плещется знамя ее

Впереди.

Я вижу врагов

Озлобленные лица.

Моя революция

Захлестнула мир.

В сердце Азии

Она струится,

Спасы

Мильоны ребов

расправмы.

Ей сорок лет,

Она в расцвете.

Не остановите

Ее мертвий шаг.

Она уж не та

в сорокалетье,

Но начинилась

Матеми тас:

За плечами вьются,

Путеметные ленты

Скреплены на груди.

Идет по планете

Моя революция

С Лениным впереди.

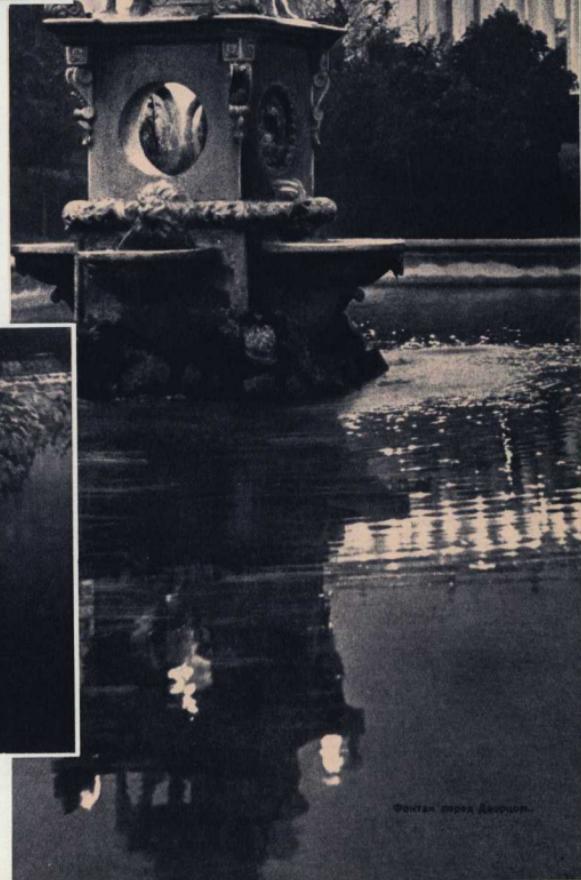
Фото Я. Халипа.

ДВОРЕЦ СТУДЕНТОВ

Если вам придется побывать в Днепропетровске, местные жители немедленно назовут вам среди многих достопримечательностей и памятников архитектуры одно из самых ярких — светлое здание воздвигнутое пять лет тому назад по инициативе студенческой молодежи Днепропетровска. Дворец стал центром культурной жизни города. Сотни студентов находят здесь применение своим дарованиям и талантам. Растет творческое мастерство коллективов, созданных при Дворце — хор, оркестр, художественного балета, студии живописи, балета и других. Не так давно симфония балетной студии была осуществлена постановкой опереттного спектакля «Манекен», опубликованной на этой странице три фотографии, рассказывающие о Днепропетровском Дворце студентов.

Сцена из балета «Шопениана» в исполнении коллектива балетной студии при Дворце культуры.

Фонтан перед Дворцом...

Портрет конструкторов Натальи Шестаковой, Татьяны Абдулой и Надежды Степановой, осуществляющих государственную проверку в Бородинском паровозном депо. Фото Г. Щурова

ХЛЕБ РЕВОЛЮЦИИ

[Из воспоминаний]

Я сижу за секретарским столом, пишу и время от времени поглядываю на своего начальника — губропромиссара Семена Ивановича Брумакова.

Уже седьмой час, сотрудники все ушли, а меня ничтоже не тянет домой. Невыразимое удовольствие доставляет мне, сыну дворника, вчерашнему посыльному, писать отношения и смотреть на Семена Ивановича. В нашего губропромиссара просто по-малышескому блоблен. Необыкновенным он мне кажется человеком. Ну как же! Всего месяца — полтора тому назад он рабочий, а теперь комиссар в косметике нежелезодорожных мастерских, а сегодня — губернский комиссар! А главное, он замечательный большевик: прямой, честный, справедливый, решительный, боевой. Он один из тех немногих «главных» большевиков из когтя бургунского города, которых я так пылко восторгаясь.

Семен Иванович просматривает бумаги и глухо ругается. Я уже знаю, что тема — хлеб. И опять читают бумаги, написанные от руки, обозревания у него всегда три класса, а заявления попадаются с самыми разными почерками.

— Что он тут накорочил? — спрашивает комиссар и обращается ко мне: — А нука, читай ты! Я беру бумагу и читаю вслух. Это жалоба одного учителя, которому не дали продовольственную карточку.

— Решают он? — спрашивает Семен Иванович.

— Нет... — А у нас кто не работает, тот не ест.

Как будто жестоко, но и справедливо. С продовольствием у нас очень и очень тяжело, годичной нормы еда хватает на выдачу работающим.

Думамо о хлебе, крупне, фураже. Семен Иванович берет бумаги, на которых обозначены виновные на меня, он скожет голову руками и закашкает, как в безысходном горе. В такие моменты мне жалко его до слез. Тяжело ему, всем большевикам, всей молодой Советской власти очень тяжело. Шутки ли, надо кормить многочисленное население, а хлеба нет! Каждый фунт приходится брати у кулаков с боя.

Семен Иванович резко отбивает бумаги в сторону.

— А я слетай, уайд!

Каждые четверть часа комиссар посыпает меня к дежурному — нет ли телеграммы из Мулов от продотряда.

Я возвращаюсь не один, а вместе с губропромиссаром Рублевским, только что подъехавшим к нашему учреждению. Это коммунист из интеллигентов. На нем хорошее пальто, из-под которого виднеется белоснежный морторник, на тонком носу пенсне. Я невольно робко перед ним, а Ер-

маков просто с трудом выносит его и называет барином. Рублевский прислонил к нам на Наркомпрод.

— Ну? — нетерпеливо встретил меня комиссар.

— Телеграмма нет, Семен Иванович.

Ермаков нахмурился, сухо пожал руку Рублевскому.

Тот сел против него и, как всегда, нудным, усталым голосом заговорил:

— Сегодня мы, Семен Иванович, ничего не получили.

— Откуда? — отругну Ермаков, глядя куда-то вправо. — И не получите, я же говорил вам.

— Но это катастрофа! Город второй день не получает ни крошки. Мы и так даем всего то три посыпки, и то через день.

Ермаков уже не в угод, а в упор смотрит на Рублевского.

— Ну?

— Надо что-то делать... Предпринимать.

Губропромиссар грохает увесистую курицу по столу.

— А мы что, не делаем? Ручки сложа сидим, как на именинах?

Да! Я всех своих в проторяды разогнал. Вот, — Семен Иванович ткнул пальцем в меня, — с малчишками да с девчонками остался. А хлеб-то ведь нам курак лак не на подносе отдаст... Вот вчера в Култаеве реквизиции две сотни пудов, а на десятый верст налетели бандиты Дремина. Половина трада полегла, какие ребята-коммунисты!

Семен Иванович отвернулся, хрюкнув пальцами.

— А хлеб?

— Ну что — хлеб, хлеб! Хлеб бандиты забрали. А его еще ждут в Москве. Ленин ждет от нас хлеба!

Помолчали. И опять, сердито двигая темными руками по столу, заговорил Семен Иванович:

— Вот сегодня губком партии собрал своих работников. Послал приговор в Мулинскую волость. Ждем вестей, как с фронта.

Рублевский, потупившись, притянул пленки.

— Как же все-таки завтра?..

— Бонитесь, побьют? — Семен Иванович засмеялся, а потом сразу обозвал себя. — А вы растолкрайте рабочим, населению. Должны понять. Или вот что: забираяте-ка жмыхи. Да, выдавайте людям жмыхи. Есть у нас семь пудов на складе.

— Жмыхи — людям?

— А что? Еще как можно есть. Я ел за мидью душу. Порубите-ка! — И Семен Иванович выплюнул Рублевскому небольшую пятину жмыхи. — Ну как? Берете?

— Да вадай, что ли... — Пшик. Аркша, наряд.

Я живо подпрыгнул на жмыши. Конечно, это было опасно. Ермаков обличенно вздохнул и выразительно взглянул на меня.

— Не терплю я его. Знаю: коммунист он честный, с головой. А

вот никак не привыкну к нему, как к тебе... Так нет телеграммы?

— Нет...

Комиссар взялся за фурражку.

— Ну, ладно. Схожу к своей Ховре. Может, найдет чего пожевать.

Семен Иванович, почему вы жену Ховре зовете?

Комиссар рассмеялся.

— Нет, ее Фекла зовут, Феклуша. А это я ее Ховре окрестил. Потому что она для меня вполне полуконька. Только пока являлась домой и не имела меня, я ее привозил, точишь: «Какой-то хвостатый...»

Ховре — губернатор, комиссар, когда у тебя семья подыхает с голода? Вон другие комиссары живут припеваючи, а ты... Я отвечу: «Где такие комиссары? Назови хотя одногор!»

Молчал коммиссар. Был один, таких коммиссаров. Как будто купротак, хлопнули.

— Расстрелят! — вырвалось у меня.

— Из-за хлеба?

— Хороший ты парнога, наш, рабочий, а душа у тебя еще тщепичная. Да ты знаешь, что Ленин сказал? Каждого, украшавшего сейчас хоть пуд хлеба, расстреливать на месте. А этот гад, дескать пудов тащил, на самогон менял, пьянствовал. В такие-то дни, когда идет смертный бой с капиталом...

— А...

— То-то вон и а — ворона ку- ма! — Комиссар ласково вздернув мои волосы. — Ну, посди. Я скожу же на часы. Сам-то что ел?

— Да... ничего, Семен Иванович. Приник я.

— Плохая прычка, — вздохнул комиссар.

Он ушел, а я, усевшись в коммиссарское кресло, размечтался.

Какой чудесный человек комиссар! Какой чудесный человек комиссар! Каждый из тех, что были в бывшем Наркомфите, простые рабочие, вончие взялись править страной! И неужели праща, что богатых больше не будет, что все на земле будет только для простых трудовых людей? Это же похоже на раб.

Дверь постучали. Я вискаль, думая, что принесет телеграмму, на пороге показалась какая-то рабочая фигура в запыленной плаще и в разных сапогах. «Их-зда-а», — тихонько прошептал я.

— Входите, входите.

Принесший, пережав в руках сумку с небольшим видоном и буханкой хлеба. При виде хлеба у меня остро засосало под ложечкой. Есть же еще на свете счастливцы, имеющие целый краевай хлеба!

— А... Семена Ивановича нет? — спросил приезжий.

— Он ушел домой. Скорее вернется. Вы из зеуда?

— Да, из зеуда. За нарядом я.

— А хлеба нет.

— За фуражом я. За фуражом.

Приезжий поставил сумку в угол, сел. Он молчал, а я, поскри-

пывал первом, все таинуще глазами к караулке. Я стал спаснее чувствовать голову, голова кружилась. Не попросить я мог просту у этого человека кусочек хлеба? Но пока я решал этот вопрос, вернулся комиссар, мрачный и как будто растресканный. Он молча положил на мой стол два сочия, а сам хмуро уставился на посетителя. Тот, поднявшись, молвил в руках фуражку.

— Из Оханска, кажется?

— Да, да, Семен Иванович. За фуражом я. Оиногда вот только.

— Чего тут изнанчивать... Все равно фуражка нет.

Приезжий съльно отгорчился. Я жадно жевал твердые, как резина, сочии и с любопытством следил за комиссаром и посетителем.

— Но как же, Семен Иванович... помышлялся, снова жалобно заговорил приезжий. — Обоз вовсе замер. Лошади повально падают. А без транспорта нам, сапоги не носить, а руки без рук... И вдруг метнулся в угол, сквачил сумку. — Вот... вам... гостинички...

— Чего это?

— М... медку и хлеба каравайчик. Семен Иванович.

Комиссар вдруг сурово уставился на приезжего.

— Ты что: купишь меня, бродяга, хочешь?

— Да нет, что вы...

— Забирай и убирайся ко всем чертам! Не будет тебе никакого фуража!

— Семен Иванович, дорогой... — залепила приезжий, обоз...

Комиссар, вспомнив виновника, поднял телефонную трубку.

Детдом мим дай. Какой, какой! Один у нас детдом остался.

Остальные пришлось закрыть. Детдом? Заведующего... Это вы?

Ну, как, жив еще тот человек-то? Жив. Вот. А любезный, я посыпал вам сейчас немножко пасов. Даите этому человеку поесть. Только не сразу, не много.

А то он очутился. Ну, вот-вот. Кто говорит с вами? Да тот, кто приехал вчера из Оханска. Ну, Илья, губропромиссар. Км...

Ладно, ладно, не изнанчивай.

Положив трубку, комиссар как-то мягко, задумчиво проговорил:

— Вот что, охансский товарищ!

Забирай свое добро и дуй с ним в детский дом на улице Карла Маркса. Отдашь продукты занедужющему, а потом приходи, чтобы накрасеб из фуража.

Глубоким вздохом проводил я мелькнувший каравай. Поступок комиссара вызвал во мне одновременно восторг и щедрый: хоть краевечка хлеба надо бы оставить!

А Ермаков ходил по кабинету, чечто усмехаясь.

— Ну, значит, Аркша, был я дома... Накормила меня сегодня жена вот этими сочими с капус-

ную сумму, студент снова брался за учебу. Но что ждало его впереди, после окончания института? Получил диплом — иди на все четыре стороны. Хорошо, что в Новочеркасские подобрались такие преподаватели, которые старались помочь студентам. На посту директора оказалась крепкая математик профессор Н. Н. Зинин, сумевший собрать вокруг себя талантливых молодых ученых. Среди них были профессор Б. Б. Поплынов, впоследствии крупный почвовед, академик, профессор П. П. Червинский, прекрасно читавший курс геологии, профессор химии П. А. Каширов, профессор С. П. Вологодский, писавший первое ученое сочинение в 1905 году. Работал в институте известный радиохимик-бактериолог Ф. В. Ленгник. Эти ученые близко стояли к студентам, встречались с ними не только на лекциях, но и на лабораторных занятиях, но и во внеучебной обстановке, хотя это стrophажше запрещалось.

Напуганный студенческими волнениями, царское правительство даже к слову «студент» стало относиться подозрительно. В Новочеркасском институте начали существовать в годы революции слова «студенты» было заменено словом «слушатель». Во всякой студенческой самодеятельности усматривались «акрамала», «Слушателям» не позволялось оставаться в стенах института после учебных занятий, запрещалось устраивать свои сходки, произносить публичные речи, печататься в газетах, журналах. Прогрессивные профессора и преподаватели поднимали свое голос за защиту прав студентов, но встречались с самим противодействием со стороны реакционеров. Умного, обаятельного Н. Н. Зинина вскоре сменил червистый, жестокий Юпатов, ставший известным под кличкой «самодержец» института. Был в институте прекрасный профессор Н. Грузов, крупный специалист по электротехнике. Но стоило ему отдохнуть, выступить критиком существовавшего здесь порядка и дурной системы преподавания, как его уволили. Вслед за ним вынужден был уйти профессор П. А. Кашировский. На проводах Кашировского всплынули импровизированные митинги. Одни из преподавателей в своей речи остроумно заметили, что Донской политехнический институт «естественный» отбор. Да, конечно, не имеет смысла, так как здесь вынуждены были «слефбить», а склоняющих вынуждают.

В борьбе прогрессивных сил института против рутин и мракобесия включились Демьян Бедный, поэтический тон и пивотинский акцент, Однажды эти знай из молодых да ранней

«Баран — известно что такое. Баран учений — хуже видеть. Узнай важный тон и пивотинский акцент, Однажды эти знай из молодых да ранней

Бараний Приват-доктор Ветуши, бедный с Козырьком? «Нет-нет, нельзя иж, мой друг, идти нам наизнанку! Что гарантирует над Волгой нам победу?»

Ха-ха! Утром? Бунт лишил нас осада И с тыла и с фаса! А «сполохи» — идти ли фунт? А роль общественного мнений?..

— «Уйди ты прочь!» — гриппель сказал Конев. — Я знаю, для врага Оружие верное одно — мой рога! А ты мне с выдернутым пальцем — «Мой бог!» — вздохнул Баран, весь покачнувшись со слез, И обозвал Конева — «бараном!»

Ни строжайших правил, введенных в Новочеркасском институте, ни грозные распоряжения, запрещающие различные заборы, не могли сдержать волны новых экспрессионистических выступлений. Студенты Новочеркасска вышли на улицу. «Атаман всего вища Донского граф Тайбеб был сильно напуган событиями в Новочеркасске. Ведя студенты поднялись в самое «очаге казачества».

С того времени в институте ежедневно появлялся яркий флаг. Он раскачивался над коридорами, сидел на лавках, виниловал здание краеведы. На всякий случай рядом с институтом построили казарму для специального отряда вооруженной полиции, которая в любую минуту готова была вломиться в аудитории. В воздухе пахло грозой. И вот она разразилась! Разразилась над всей страной в феврале 1917 года. За февраль грязан Великий Октябрь.

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

В январе 1920 года отряды Красной Армии, борющихся против контрреволюции, заняли Новочеркасск. Для политехнического института началась новая жизнь. Настеньки раскрылись его двери перед рабочими и крестьянами.

Осенью 1920 года в институт было принято около 1 000 человек, смешавшихся со всеми людьми. Такое большинство не имело еще не начала истории института: проходя в самые лучшие годы принимали не более 400—500 человек.

Пришли новые люди, они жаждут потянулись к знанию, к науке. На лекции студенты являлись прямо из заводских цехов, из краеведческих казарм. Появились и новые преподаватели. Стал читать лекции в институте профессор С. П. Вологодский — герой боевщин, бывший член Петроградского Совета рабочих депутатов, высланный когда-то царским правительством из России. Прогрессивно настроенные ученые, оставшиеся в институте, с жаром отдались работе, сознавая, что трудятся для Советской власти, для Родины, которая намечала уже в те годы широкую программу мирного строительства. Ученые с восторгом встретили привнесенную ими Гольдринг. Широкое поприще открылось перед советской наукой, перед новыми специалистами, которых призван был готовить институт.

В первые годы своего существования Новочеркасский политехнический был разбросан в нескольких местах города. В 1911 году местный альянс рабочих собрался на церемонии заложить на территории вырубленного городского сада новое здание института. И до сих пор в краеведческом музее хранится «крепишка» этого церемонии — серебряный молоточек и лопатка, которыми был заложен первый камень в основание здания. Шли годы. Стойка заросла бурьяном. Достраивать здание пришлось уже в советские годы.

Рядом выросли еще два больших учебных корпуса, столовая, общежитие. Сейчас создан целый институтский городок.

Институт располагает прекрасной библиотекой, имеющей полномасштабную коллекцию горных пород и ископаемых Кавказа, Урала, Алтая, гор Средней Азии, Сибири, лабораторией сельскохозяйственной гидротехники, просторными аудиториями, кабинетами.

Еще в конце тридцатых годов коллекция ученических лабораторий стала самостоятельной физической группой под руководством профессора Л. И. Гутенмана, создавшей первый в СССР электронный синхронизатор, позднее здесь же были созданы советские интеграторы.

Интересна биография самого руководителя лаборатории профессора Гутенмана. Бывший детдомовец, он по окончании школы поступил в Новочеркасский институт, пристрастился к физике. Советская власть вывела его на широкий путь науки, сделавшим видным ученым.

В Новочеркасском институте созданы все условия для научных исследований, для учебы. На двенадцати факультетах сейчас обучается более 7 тысяч студентов.

Из 15 тысяч инженеров, вышедших из стен института за пятьдесят лет, более 14 с половиной

тысяч выпущены при Советской власти.

С честью трудились воспитанники института на лесах первых пятилеток. Ныне многие из них, имея богатый практический опыт, занимают командные должности в промышленности. Бывший питомец института М. Герчик стал директором Нижнетуринской ГРЭС, Т. Батуров — управляющим Алтайэнерго, Е. Ефременко — директором Кеховской ГЭС. Ново-черкасский политехнический вырастил также целую плеяду новых известных советских учёных. Назовем лишь бы некоторые из них: А. Анисов, В. Богданов, Ю. Толстов, Е. Цайров, А. Шаталов.

Как настоящие патриоты проявляли себя многие воспитанники института в годы Великой Отечественной войны. Выпускники института супруги Мошигны добровольно ушли на фронт и за проявленный в боях геризм удостоились нескольких правительственные наград. После войны Мошигны снова вернулись к хозяйственной работе.

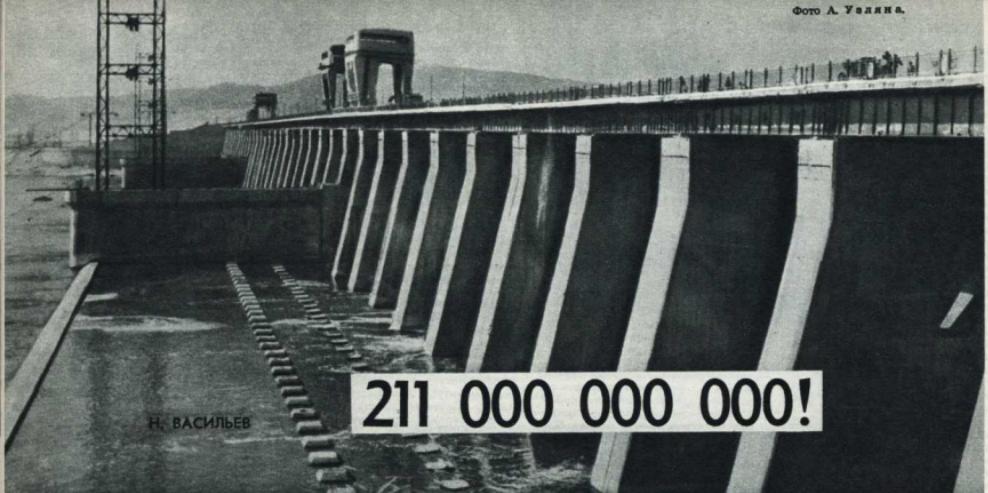
Выражаем Новочеркасскому институту это значение, широко образованные инженеры. Институт дает им отличную теоретическую и практическую подготовку.

М. МАЛЬЦЕВ,
Герой Социалистического Труда.

Сорокалетие Великого Октября — десятки тысяч москвичей «стремятся новых квартир». Строители с честью выполняют свою ответственность. 7 ноября они для москвичей сдали в эксплуатацию третий пятиэтажный дом на Большой Житомирской площади. На новостройках стоят трудящиеся армия молодых каменщиков, крановщиков, штукатуров, танеланцев. На снимке: один из лучших каменщиков строительства московского треста «Моссинастрой» Геннадий Бойко.

Фото Г. Дубинского.

Н. ВАСИЛЬЕВ

211 000 000 000!

На русле волжской воды встала могучая железобетонная плотина.

Страна выдающихся трудовых побед, которым отмечен путь нашего народа, одной из наиболее славных является победа на Волге: в канун великого праздника — сорокалетия Октября —ступил в строй двадцатый, последний агрегат Куйбышевской ГЭС. Мощность этого гигантского гидроэлектростанции доведена до установленных проектом двух миллионов ста тысяч киловатт... У отрогов Жигулев плещутся волны молодого моря, на новых берегах красуются порты и причали, на пути Волги стоят сооружения плотин и шлюзов, в ряды с ними возвышается величественное здание ГЭС. И далеко от Жигулев идет по лампам электропередач могучая энергия — живая сила волжской воды...

Огромные камеры судоходных шлюзов Куйбышевского гидроузла могут принимать одновременно не сколько больших судов. Шлюзы оснащены новейшими, полностью автоматизированными механизмами. На снимке: оператор пульта управления наблюдает за прохождением судов через камеру шлюза.

вят! Чтобы понять величие этой победы, надо вспомнить историю осуществления ленинского плана электрификации России.

«Переход к новому, третиймайскому рабочему союзу в трудах и новых условиях. Страна была разорена четырьмялетней империалистической войной и трехлетней войной против интервентов и белогвардейцев. Ставили заводы и фабрики, лишенные топлива и сырья, многие рудники были заброшены, транспортная система разрушена. Враги замышляли жизнь молодой Советской Республики неделями и месяцами».

В это杰елое для страны время Владимир Ильин Ленин, определив перспективы создания в стране новой материальной базы, сформулировал задачу, состоящую в полной технической перевороте народного хозяйства на основе электрификации.

Такой план был создан. Это был план электрификации России, рассчитанный на десять пятидесяти лет.

В декабре 1920 года давгэвт Всесоюзного стадиона Сокол — рабочий-членский союз, с запасенным диким лебедем слушали доклады своего любимого вождя. Они смотрели на карту страны, где слабо светились точки будущих электростанций, и видели перед собой новую, социалистическую Россию, которая предстала тогда, и яркий свет широко разложился над Волгой и Уралом, над сибирской тайгой и Кавказом, над Сибирью и Украинскими степями. Новые электростанции давали энергию заводам, фабрикам,

рудникам, шахтам. Восьмая съезд Советов принял план ГОЭЛРО — великий ход, здравый план, который, по словам Владимира Ильича, показывал, «как перевести Россию на настоящую базу, необходимую для коммунизма».

План ГОЭЛРО содержал две основные программы. Первая из них предполагала восстановление и доведение электрохозяйства до расцвета, инициировать

вавших электростанций и соединении их высоковольтными сетями. Вторая программа наземечала сооружение в различных районах страны тридцати новых паровых и гидроэлектрических крупных районных станций общей мощностью в полтора миллиона киловатт. Общая мощность всех электростанций должна была составить через 15 лет — 1750 тысяч киловатт, а годовая производительность электрической энергии — определяться в объеме 8,8 миллиардов киловатт-часов. Особое значение придавалось сооружению гидроэлектростанций. Велики были трудности, которые приходилось преодолевать, начиная борьбу за выполнение ленинского плана электрификации. Но это ширится становится фронт работ, одни из другой появлялись строительные площадки, рождались первые электростанции.

4 июля 1922 года состоялось торжественное открытие подмосковной Каширской районной электрической станции, затем вошла в строй ленинградская «Красный Октябрь», Шатуровская. И вот дала промышленный толчок Волжская гидроэлектростанция имени Ленина мощностью в 5 тысяч киловатт — первенец советских гидроэлектростанций.

Трудно переоценить подвиг, совершенный на Волже. Первым камням стройки закладывались год войны, в год страшной разрухи. Нередко строители, щапка-шапка, сползали с рельса. Владимир Ильин Улен удавалось исключительно внимание стройке. По его указанию волжстроевцам на раз направляли специальные продлайки, выделяли продовольствие для премиозависимых лучших Строителя Волжской ГЭС традиции самоотвержения. Они не считались ни со временем, ни нормами, нередко многие из них ездили отдыхнуть, снег выходили работу.

Но победа на Волхове — это не
только героический труд строите-
лей. Волховстрой явился экзами-

— Москва! Двадцатый агрегат Куйбышевской ГЭС поставлен под нагрузку и дает промышленный ток! — рапортует Единому диспетчерскому пункту дежурный инженер главного щита Куйбышевской гидроэлектростанции Н. Кузнецов.

ном для советских энергетиков, успешно решивших задачу проектирования и возведения первого в стране крупного гидротехнического сооружения, прекрасной школой для рабочих, инженеров и техников, получивших богатый опыт.

Вслед за Волховской вступили в строй Земо-Ачальевская, Зуевская электростанции. 10 октября 1932 года введена в эксплуатацию Днепровская гидроэлектростанция имени Ленина, мощность которой в десять раз превысила мощность Волжской ГЭС. Одна Днепровская ГЭС стала выбрасывать в год столько энергии, сколько давали все электростанции дореволюционной России.

Строительство электростанций шло исключительно быстрыми темпами. За десять лет — с 1921 по 1931 год — выработка энергии возросла более чем в двадцать раз и составила 10 миллиардов 687 миллионов киловатт-часов.

За 15 лет социалистического строительства план ГЭСРО был перевыполнен более чем вдвое. К 1935 году количество мощно построено 40 новых районных электростанций общей мощностью 4 миллиона 76 тысяч киловатт, а выработка энергии достигла почти двадцати семи миллиардов киловатт-часов. Еще более широкий размах принял строительство в последующее время: в 1940 году мощность советских электростанций составила 11 миллиардов 200 тысяч киловатт. Такое развитие электроэнергетического хозяйства не знала ни одна страна.

После Великой Отечественной войны многое пришлось начинать заново: только за пять послевоенных лет строители восстановили тридцать разрушенных врагом электростанций и в их числе одну из крупнейших в стране — Днепровскую ГЭС.

Но с какими грандиозными размахом начали мы строить новые мощные гидроэлектростанции! В стране были начаты десятки строек: Минечурская, Гомульская, Горьковская, Куйбышевская, Стalingрадская, Камская, Каховская ГЭС... Многие из них уже закончены, но другие вступили в строй первые агрегаты...

Ныне завершено строительство Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге. Работает в полную силу станция, по мощности равная сороке Волжскому. Ежегодно Куйбышевская ГЭС будет давать стране более одиннадцати миллиардов киловатт часов электроэнергии. Такого количества энергии достаточно, чтобы выплавлять, например, семьсот миллионов тонн стали или изготовить двадцать две миллиарда пар обуви — одиннадцати пар на каждого жителя планеты!..

Гидростроители выполнили большую работу. У Жигулей разлилось молодое море площадью 6 250 квадратных километров. Это море — отличный регулятор стока, источник обновления, «дождевой заменитель» для засушивших приволжских районов. За время строительства уложено около 8 миллионов кубометров бетона, переработан более 180 миллионов кубометров грунта.

В 1928 году, чтобы осветить карту Юга страны, подведенную к Волчьему съезду Советов, надо было отключить все улицы и площади Москвы. Так беда была наша столицы! А сейчас вся страна покрылась сверкающими созвездиями электростанций!

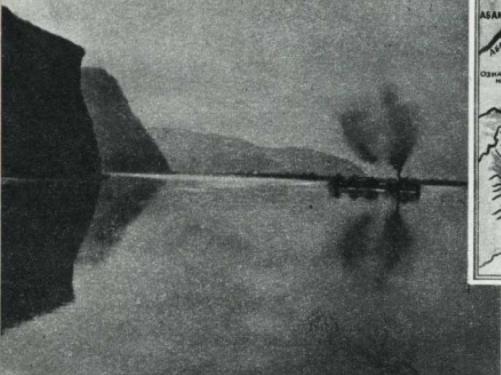
К концу этого года — сорокового года Советской власти — мы доведем выработку электроэнергии до двухсот одиннадцати миллиардов киловатт-часов, в 1960 году — по меньшей мере, шестой пятилетки — производство ее возрастет до 320 миллиардов!

Недалек тот день, когда единая энергетическая система Европейской части страны объединит Куйбышевскую и Стalingрадскую ГЭС с Центральной, Южной и Уральской энергосистемами. Она создаст для страны мощнейшую наиболее благоприятного размещения промышленных предприятий, обеспечит маневренность и экономичность в использовании энергетических резервов.

Будет создана также единая система Центральной Сибири. А спереди — реализация давнишней мечты наших энергетиков — создание единой высоковольтной сети СССР.

Вся страна покрылась линиями высоковольтных электропередач. От Волги и Дона, Камы и Днепра, Ангары и Сири, от сотен советских электростанций*, построенных нашим народом за сорок лет, идет могучая энергия заводам, рудникам, шахтам, колхозам, МТС... На снимке: электрик-верхолаз А. Ребенек монтирует оборудование на подстанции Куйбышевской ГЭС. Через эту подстанцию ее энергия вольется в Московское энергетическое кольцо.

Земли сибирской

(Продолжение. Начало см. «Смена» № 19 и 20)

3

МЫ ИДЕМ НА БОЛЬШОЙ ПОРОГ

В конце июня в кабинете начальника управления Енисейского пароходства Назарова непрерывно дребезжал телефон. Звонили из краикома партии и редакций газет, звонили речники и просто знакомые Ивана Михайловича. Спрашивали одно и то же:

— Когда выходите вверх?

— Скоро, — отвечал Назаров, — подготовка заканчивается.

Однажды ранним утром в верховья Енисея мне рассказал автор романа «Хробы Саяны» Сергей Венедитович Сартаков.

— Не хотите ли пойти с нами на Большой порог? Договоритесь с Иваном Михайловичем, — сказал он.

Назаров, энтузиаст освоения великой сибирской реки и ее притоков, встретил меня очень раздраженно. От Дудинки до Кызыла

по всему Енисею знают этого приветливого коренастого человека с мужественным лицом. Уже много лет возглавляет он круизные суда сибирской пароходства и свою любовь к Енисею старается передать другим. В 1953 году, когда я впервые попал в Красноярск, мое внимание привлекла книга под заглавием «На Енисее реке с иллюстрациями художника Рубягина. Собранные в ней очерки посвящены нелегкому, но романтическому труду енисейских речников. Тогда же я не знал, что написал ее не литератор-профессионал, а начальник Енисейского пароходства.

Недавно у меня вышла еще одна книшка, — сказал Назаров и горячо продолжал: — Мало мы пишем о Енисее, о том, какие большие перемены происходят на его берегах.

Иван Михайлович с увлечением рассказывал, как бурно развивается енисейский флот, мощность которого за годы Совет-

ской власти выросла в десятки раз по сравнению с дореволюционным периодом, как успешно идет освоение Подкаменной и Нижней Тунгуски, Пита и других притоков Енисея.

— Все это — дело нашей молодежи, выпускников речных училищ, — говорил Назаров. Ежегодно, как только начинается наступление поздней весны, в начале июня, появляются первые пароходы, совершают они трудные, тысячекилометровые рейсы в верховья больших и малых сибирских рек, везут в поселки оленеводов, охотников и рыбаков, несут культуру в самые отдаленные уголки Красноярского края. Многие молодые речники уже самостоятельно водят пассажирские и грузовые суда, плавают капитанами. Студенты, становятся опытными лодочниками.

— Обязательно поезжайте с нами, — сказал Иван Михайлович. — Имейте в виду, что даже из речников немногие бывали в местах, куда мы сейчас собираемся. Незабываемые впечатления получите и материал как раз для «Смены»: ведь эпилог на «Кызылы» молодежный, почти все комсомольцы. Им и доверили решающий штурм Большого порога.

На другой день я вылетел в Абакан, чтобы через неделю присоединиться к экспедиции в Минусинске.

В ВЕРХОВЬЯХ ЕНИСЕЯ

Енисей... Недаром называл его «кракасицей», «амучим», «неистовым богатырем». Пятое место среди величайших рек земного шара по длине и занимает Енисей. Начинаясь в склонных хребтах Тувы, на протяжении четырех тысяч километров минует он свои воды от южных до северных широт Сибири.

С неизвестных времен Енисей служил для народов Сибири, наставивших его берега, основным средством связи и торговли. Вниз по рекешли барки и плоты, груженные лесом, скотом, хлебом, овощами, вверх — с пушиной, рыбой, мукой. Немноговероятные усилия стоили тянуть суда против течения людской или конной тягой. О свозном сообщении и думать не приходилось. Непре-

домимой преградой были многочисленные пороги: в нижнем течении — Осиновский, в среднем — Казачинский, в верхнем — Большой.

Пароходство на Енисее открылось в 1863 году. Однако долгое время суда ходили только на нижнем плесе, между Енисеем и устьем реки. Прошло еще более двадцати с лишним лет, прежде чем был покорен Казачинский порог и установлено регулярное пароходо- сообщение Красноярск — Енисей.

Участок реки выше Минусинска до сих пор остается недоступным для самой Октябрьской железной. За это взялись советские речники. Сначала плывали до пристани Озинское, затем стали пробираться еще выше, через пороги, образовавшиеся в дниках, непрступных местах, где Енисей прорывается через Саянские хребты. Еще до Великой Отечественной войны пытались установить навигацию между Красноярском и Кызылом. Туры — Кызылы, но сиюминутное сообщение надладить не удалось: мешал грозный Большой порог.

Настоящий штурм Большого порога начался в 1951 году. Единственный путь, соединяющий Тувинскую автономную область с Сибирью, — Усинский тракт протяженением свыше четырехсот километров — уже не мог удовлетворять быстро развивающееся народное хозяйство Тувы. Да и слишком долго стояли перевозки грузов по этой дороге, перевалываясь через громады Западного Саяна.

В 1951 году тяглоходы «Хакасия» и «Туркменстан» с помощью тракторов преодолели Большой порог и доставили грузы в поселок Чад-Холь, один из районных центров Тувы. Через два года такой же рейс совершила «Азербайджан». Но мощности этих судов было недостаточно. Так же, как и лодки, их проводка являлась сложным и рискованным делом. Тогда решили построить специальный тяглоход с большой скоростью и небольшим радиусом. Так же, как и Красноярского судостроительного завода родился «Кызыл». В 1955 году этот теплоход отправился в первый экспериментальный рейс. Он прошел вверх по Енисею еще дальше — в пределы чистилищников. И теперь ему предстояло положить начало регулярному сообщению Красноярск — Кызылы.

СЕРДЦЕ САЯН

Позади осталась Шушенское, Озинское, Мининский, Джикский и Березовый пороги, устье пенистого, холодного Кантигера. «Кызыл» входит в Саяны. Только что забрезжил ранний июльский рассвет, и сизая дымка окутывает могучие кедры на берегах Енисея. Художники Рудольф Рубяг и Николай Салтыков, устроившие каникулы в Саянах, уже привыкли к картины природы пустыни. Я хорошо понимаю их. Трудно оторвать взгляд от неповторимой красоты этих диких, суровых мест, где за каждый порогом реки открываются новые и новые «кадры», которые так и просятся на бумагу и фотографии.

Стиснутый каменными объятиями гранитных скал, все уже становится Енисей, все выше взды-

мается вокруг вершины, покрытые дремучей тайгой. Она подступает к Енисею, всплеснув Том-воду. Самый берег тянется узкой полосой леса, насыщенного веничным разливом. На песке то и дело виднеются цепочки медвежьих следов. Безымяна темная, непроходимая тайга. Лишь изредка резкий крик кедровки нарушает тишину этой дальней сибирской стороны.

Разрезая волны Енисея, ноги судна образуют пенистые «сысы». Чем больше глубина, тем они выше. А за кормой далеко тянется дорожка взбродившей вами воды. Все дальше и дальше простирается теплоход, все сильнее вспенившее течение. Безостановочно стучат дизели: машины работают отлично. Это залог молодых мотористов и кочегаров, которыми руководят опытные специалисты — механик комсомолец Илья Форсель и его помощник Иван Костин.

Слаженно трудится вся молодежная команда теплохода. Капитан Мурлыкин может положиться на второго и третьего штурманов комсомольцев — Вениамин Соловьев, Евгений Митрофанов, матросов Владислава Белова, Валентина Задорнову, Геннадия Пелевинова.

Почти не уходит с мостика секретаря комсомольской организации судна Митрофанов. Дважды один год этот скромному, подтянутому юноше, чье третье название плавает он по Енисею, но такой красоты, как в Саянах, нигде не видел. Пытливо осматривается он кругом, как бы желая наставдатчать в своей памяти и зубчатыми горные вершины и буйственные деревни, то и дело встречающие Енисея. Часто берег Енисея в рубке лютою речи и внимательно штукует ее. Чрез несколько лет Митрофанов и его товарищи будут достойной смелой старшему поколению речников.

За штурвалом, первый штурман Гавриил Петрович Пахомов, который прозван «профессором верхнего письма». Но корабль он самый старший по возрасту, почти тридцать лет плавает по Енисею, его люблю называют Петровичем. Капитанский, начиненный здесь таинством про мышавших здесь таинства, рассказал нам, как был убит медведь, показали и прятанную ими шкуру. Зверь был большой, пудов на пятнадцать. Оказывается, накануне он попался в одну из

рек. Отлично знает свое дело капитан Енисея, художественный, строгий и требовательный командир и хороший товарищ для подчиненных.

Вместе с капитаном и Петровичем уже второй день находятся в рубке знаменитый на весь Енисей старый лоцман-карасик Иннокентий Никонорович Почегуров, который еще в молодости водил плотов через Большой порог. Он знает на Верхнем Енисее каждый камень, каждый поворот реки, к его советам прислушиваются и Мурлыкин и Петрович.

Одна из самых гордостей штурманы — Каменуска. Голую ширину — «карабаса». А вот и сам «карабас» — большая скала, торчащая посередине реки. С шумом наделят ее на волны. Енисея, образуя позади скалы кругящиеся водовороты. Вскоре проходим Дедушкин порог — последний перед Большим. К вечеру пристаем к берегу у впадения речки Сосновки.

Когда, наладив удочки, мы с Петровичем отправились ловить карпушку, неожиданно увидели среди камней берега медведя, а чуть поодаль убитого медведя, а чуть поодаль нечто вроде шашала, возле которого сущились рыбачьи сети. Пока мы разглядывали останки медведя, на Енисей показалась лодка. Две гребцов ловко гнали ее короткими веслами к берегу. Они тянули за собой какое-то странное оружие, похожее на маленький плот. Как потом выяснилось, это был огромный хитроумный сачок, сплошненько «стяждуль».

Через несколько минут про мышавшие здесь таинства рассказали нам, как был убит медведь, показали и прятанную ими шкуру. Зверь был большой, пудов на пятнадцать. Оказывается, накануне он попался в одну из

Теплоход «Кызыл» входит в Большой порог.

петель, расставленных охотниками на короткополюсном берегу. Енисей прибрег таинственный добрый чукунь свежинки, и вечером судовой кок Прасковья Яковлевна Мягянка на кормила нас вкусными котлетами из медвежатины.

ВАЛЫ БОЛЬШОГО ПОРОГА

На следующее утро «Кызыл» подошел к Большому порогу. Задолго до этого мы услышали его рев. Енисей, имеющий выше порога полукилометровую ширину, суживается здесь до семидесяти метров, и, сделавшая громадные перемещения, а также со склонами более тридцати километров в час. Длина Большого порога превышает триста метров, в падение реки на этом отрезке составляет семь метров.

На другой драмы видели громоздящиеся кругом скалы. Ниже порога, на берегу, лежат огромные бесформенные куски искореженного, скрученного железа. Это все, что осталось от большого пауза, попавшего здесь однажды при ударе енисейской волны. Немного выше, на самом самом стromом пороге, стоит на скале небольшая деревянная будка. Это знаменитая часовня. Когда-то, в давние времена, некий купец-золотопромышленник, подъезжая нескольких плотогонов, решил спуститься с золотом и товарами через Большой порог. Денег на опытного лоцмана он пожалел. Плот разметало по бревнушкам, на дно пошли и люди, и золото, и товары. Только хозяина выбросило на берег волна. В благодарность за «чудесное спасение» он построил часовню. Часовня, где долгие годы горела перед иконой лампада...

Два дня простоя «Кызыл» у Большого порога. Вместе с Почегуровым команда готовила буй, чтобы держать волны деревья на воде километровой троц.

Помогая им и старостам этих мест, удивительно бодрый и крепкий лет «хозяин Большого порога» Петр Егорович Дерягин.

Тем временем, промышляясь на скалах, у часовни, работали над этюдами Руига и Сальников, бригада «Ленниконхорника» снимала пейзажи и намечала точки, с которых лучше всего можно было запечатлеть «Кызыл» в момент, когда он будет проходить Большой порог.

Наконец пришел долгожданный час. На наите и на корке «Кызыла» затрепыхали флаги. Капитан Мурлыкин отдал команду убрать трап. Теплоход медленно отвалился от берега и направился к месту, где Енисей вырывается из скалистой теснинки. Мурлыкин нажал ручку машинного телеграфа: «Полный вперед!» За корью вскапели буруны от винтов. «Кызыл» стал входить в полусы Большого порога, где на гребнях волн подрагивали подвешенные к троце буи.

К берегу, на котором собрались почти вся команда, подошел Почегуров с такелажной «кошкой» в руках. Приблизившись, он бросил ее вниз, стараясь подцепить троц. Но первый, ни второй бросок не достиг цели: прежде чем лапы «кошки» успевали захватить троц, бурное течение как щенку отбрасывало ее. Вода с такой силой уносил «кошку» вниз по течению, что Почегуров был не в силах подцепить канат. Но мгновение спустя руки Руига, Сальникова, матросы Белов и Пелевин, Наконец Почегуров ловко подцепили троц. Человек семь из команды во главе со вторым штурманом-радистом, здоровяком Вениамином Соловьевым, потянули его наверх. И вот тяжелый, вздрагивающий под напором волн троц закреплен на кихатах.

Несколько минут теплоход стоит на месте, покачиваясь на бурных волнах. В это время на берегу два трактора приводят в движение прорезанный через блоки. Тракторы идут вниз, а «Кызыл» поднимается вверх по течению. Кругом бушуют могучие волны. Сердито ревет порог, но мы отчетливо слышим под нами гул — это Енисей катит по дну огромные каменные глыбы, и, когда они ставятся, раздается звук, напоминающий отданный артиллерийской канонадой.

Все выше буяны, пенистые волны. Сверкающие на солнце брызги взлетают на палубу. Гудят и скрежещут винты, всплескается брызгист судна. Вода так стремительно проносится мимо нас, что кажется, теплоход мнится со скоростью курьерского поезда. Но впечатление обманчиво: медленно, метр за метром, продвигается «Кызыл».

Проходишь мимо часовни. Там сейчас многолюдно. Оттуда наблюдают за нашим переходом Назаров. Вот он поднимает руку, приветствуя экипаж: «всех по порядку, чтобы успеть преодолеть порог!»

Грозная преграда узье позади. Миновав устье реки Казыр-Сук, «Кызыл» вышла выше Большого порога. А спустя два дня наш теплоход бросил якорь у города Шагонара, в ста двадцати километрах от центра Тувы — Кызыла.

Енисей.
Большой порог.

ИСКАНИЯ КОНСТРУКТОРА

ФОТО В. ТЮККЕЛЯ.

Учебный фильм, кадры из которого приводятся в этом номере, снял больше двадцати лет назад. Тогда полоса киноленты ужасно далеким, о пятикилометровой скорости полета только мечтали.

Засняты для просмотра пилотами первого моделя, созданного конструктором Олегом Константиновичем Антоновым.

Двадцать лет для человека всегда были немалым сроком в жизни. Для техники двадцать лет стали «историческими расстояниями» только недавно.

Учебные планеры, рекордные парашютисты, военные машины, самолеты для сельского хозяйства, реактивные пассажирские корабли, и вот эти годы под руководством О. К. Антонова, как нельзя лучше подтверждают, что в наше век двадцатилетие — скром огромнейший.

Создать дальний парашютист, безмоторную машину, способную покрыть без посадки сотни километров воздушным путем, — совсем не простая задача. Именно плане-

ры принесли авиационному конструктору Антонову первое признание. Пожалуй, тогда впервые на аэродромах можно было услышать имя «Антон», обращенное не к человеку, а к машине.

К слову сказать, авиационные планеры, созданные в те годы, назывались первоклассными машинами, но «Антонами» их уже не называют; имя это перешло к самолету «Ан-2».

— «Антон!» Это самолет-багажник, — говорят гражданские летчики. — С сельскохозяйственными вредителями воюют, посевы подкармливают, химическую прополку обеспечивают, на снегозадержание работает, почту возят, лесные пожары тушат, рыбакам помогают, на газовую заправку ходят. Словом, «Антон» — правильный самолет.

Пусть вас не смущает его ста-

рородная внешность. Именно потому, что машина двухкрылая, нагрузка на квадратный метр ее несущих плоскостей не велика. А это значит, что специальные аэродромы с бетонированными

полосами, с искусственно улучшенной взлетной «Антону» не нужны. Он прекрасно взлетает с «пятачка» и садится на любом мало-мальски приличном клочке поля.

Однако и «Ан-2» далеко уже

не молод — ему перевалило на

второй десяток. Кому же прини-

мат славное имя «Антон»?

Претендентов достаточно.

В конструкторском бюро О. К. Антонова родился новый связной и сельскохозяйственный самолет «Челкас». Замечательные особенности машины — гладкая простота управления. Любой шофер после нескользких дней тренировки свободно сможет водить «Челку» над колхозными полями, взлетать с крошеных площадок, приземляться по-состоющему с полевыми станами.

Манет самолета «Челка».

Олег Константинович Антонов в 1939 году.

А вот совсем другая машина — «Летающий кит». Этот тяжелый самолет способен принимать в свой фюзеляж не только автомашины, но и более солидные грузы.

И, наконец, конструкторским

Перед стартом. Группе парашютистов предстоит совершить прыжок с самолета «Ан-2».

Планер «А-9» в полете.

О. Антонов (справа) и летчик-испытатель Герой Советского Союза Я. Верников в пилотской кабине самолета «Украина».

Было создано всем известный пассажирский самолет «Украина».

Пусть не вводят вас в заблуждение четырехлопастные винты, так отчетливо видные на снимке.

Самолет этот реактивный. Он оснащен турбовентильными двигателями. Использовать силу реактивного двигателя не непосредственно, а через винт выгодно при сравнительно небольших скоростях полета — в пределах 600—650 километров в час. Самолет «Украина» не может соперничать с «ТУ-104» в быстроте передвижения, но зато в отношении эко-

номичности, в неприхотливости выбора аэродромов — это одна из лучших современных машин тяжелого класса.

Когда «Украина» вместе с другими новыми самолетами была выставлена для всеобщего обозрения на Внуковском аэродроме, конструктору этой машины и ее летчику-испытателю Герою Советского Союза Якову Верникову пришлось ответить в этот день не на один десяток вопросов.

Будущим пассажирам очень понравилось, в частности, что по всем расчетам стоимость полета на «Украине» не превысит цены железнодорожного плацкартного билета.

Всех — и пассажиров и летчиков,знакомившихся с «Украиной», — поразила скорость полета — 600 километров в час, удолетворительный рабочий «потолок» — 8 тысяч метров, тем более, что в герметичной кабине с искусственным климатом высота никак не будет ощущаться.

Очень трудно в нескольких словах рассказать о большом, сложном, полном поисков жизненного пути конструктора. Вся история на изображении. Вспомните эти самолеты, в их схертованиях, в их размерах, и вы сможете хоть частично увидеть творческий путь, исканье и достижение конструктора О. К. Антонова — одного из представителей целой плеяды талантливейших создателей советской авиации.

А. МАРКУША

Турбовентильный реактивный пассажирский самолет «Украина».

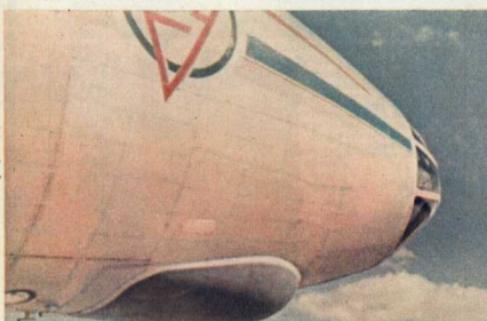

Фото Е. Халдей

Елена Григорян — лаборантка химико-фармацевтического института.

Далено за пределами Азербайджана известен Айсамбиль Абдуллаев, азербайджанский гуноядильный заслуженный артистом Азербайджанской ССР Алишаб Абдуллаевым. На VI Всемирном фестивале работы этого коллектива была отмечена золотой медалью. На фотографии участники этого концерта: Елену Григорян, Курбана Гусейнова (слева) и Наджафа Исмайлова во время выступления на концерте в Бакинском международном Дворце культуры. На снимках, помещенных ниже, наш корреспондент запечатлел каждого из них на своих участках производства.

Наджаф Исламов (справа) — мастер Завода имени лейтенанта Шмидта.

Курбан Гусейнов — мастер по добыче нефти 2-го промысла «Бузовзальнефть».

ДВА РАССКАЗА

Пондуй, самую сильную сторону творчества выдающегося французского писателя Ги де Мопассана составляет обвинительный пафос его произведения. Со всей страстью и искренностью против большого художника Мопассан обнаружил пороки современного ему буржуазного общества, выразив в своем романе «Маленький человек», изданном в 1886 году, велмож, восторгавшихся против истинной социальной смыслиности, которая прощается в этом обществе. Писатель с болью и со страданием обличает людей своей страны рисованием картин их типичной жизни. Одно из таких картина заслуживает рассказа «Былое».

С овчаршнего дня во рту не было ни крошки. Целый день мы прятались на чьей-то риге, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться...— офицеры солдатами. Всё взвинтилось от страха.

Несколько часов лежали в снегу, наблюдая за нест�性ю, окружавшей заброшенную ферму, которая служила нам убежищем, и охраняли нас от внезапного нападения. Время от времени они менялись, чтобы не зако-ченить.

Те из нас, кто могли уснуть, спали; остальные сидели, изредка обмениваясь парой слов. Вот и в этот раз с вечера вторжение развернулось посреди сугроба снега, вышедшее из берегов. Людские волны двигались чередой, неся на гребнях пену мародерства и грабежей.

Наш стекловый отряд, еще

месяц назад насчитывавший восемьдесят штыков, уменьшился до двухсот человек. Окруженные со всех сторон врагами, мы с боями отходили назад. К утру нам нужно было добраться до Бланшиена: мы не могли оставаться в засаде там генерала Ш. Если нам не удастся пройти за ночь двадцать миль, отделяющих нас от города, или, еще хуже, если французская дивизия уже отошла, то нам придется плюхнуть!

Днем идти было невозможно: кругом ищики пруссаки.

Пять часов начало темнеть; опустились сумерки — белые снежные сумерки. Белье хлыпье белесовато падали и падали, покрывая землю пеленой, походившей на яркую кристаллическую вату.

В шесть часов отряд отправился в путь.

Впереди, метрах в трехстах, шли четыре разведчика; вслед за ними двигался дозор из десяти человек, под командой лейтенанта. Позади них плывал отряд. Люди или бесформенный массой, то склоняясь, то кучу, то растягиваясь; один едва возвышался над другим, еще шагали бодро. В четырехстах метрах по обеим сторонам отряда по две двигались бойко-войзовые дозоры. Белая пыль, которая падала сверху и не таяла на кепи и шинелях, покрывала нас с головой до ног, делая солдат похожими на проникновения или призраки погибших в бою.

Иногда отряд останавливался на несколько минут, чтобы отдохнуть. И тогда становился тактический звук падающих снежинок. Одни из солдат пригибались, чтобы не озлобить других, другие не шевелились. Шепотом передавались из уст в уста команда, вновь вскидывались на плечи ружья, и измученные люди снова трогались в путь.

Двигавшиеся впереди разведчики неожиданно оттянулись к голове отряда. Их что-то встревожило. Всего за этот миг облетела всех солдат, последовала команда остановиться. Перед нами ворс огромный лес. Шесть человек оторвались вперед на разведку. Оставшиеся ждали их возвращения в угромленном молчании.

Вдруг ночную тишину разрезал пронзительный, душераздирающий крик женщины, от которого всем стало не по себе.

Через некоторое время вернулись разведчики, ведя с собой двух пленников — старика и молодую девушку.

Не повинная голоса, капитан допросил обеих:

— Ваше имя?

— Пьер Бернар.

— Кто вы такой?

— Эконом графа де Руфф.

— Это ваша дочь?

— Да.

— Чем она занимается?

— Она служит в замке кастеляншей.

— Чего это вам вздумалось

братью по ночам, имя господне!

— Мы испасаемся.

— От кого?

— Нынче вечером проехало

двадцать уланов. Они расстроили трех сторожей и повесили

садовника. Я боюсь за девочку.

— Куда вы шли?

— В Бленвиль.

— Почему?

— Там, говорят, французская армия.

— Вы знаете дорогу?

— Примкодюо.

— Но, вот и отлично. Пойдите

возле меня.

Отряд снова тронулся вперед по запорошенному снегом полю. Старик молча следил за капитаном, дочь шла подле него.

Внезапно девушка остановилась.

— Отец — промолвила она — я

так измучилась, что не могу больше идти.

С этими словами она упала. Бернарк дрожал от холода и, казалось, вот-вот дрожь эта была умереть. Отец хотел было на руках понести дочь, но не смог даже приподнять ее с земли.

Капитан, рассерженный и в то же время растроганный случившимся, затолкал на старика ногами:

— Имя господне, я вовсе не хочу, чтобы вы надорвались!

Несколько человек отдалились от отряда и вскоре вернулись, неся свежие сапоги. Сапоги были чисты, носки были готовы.

Это заслоняло капитана.

— Это господнер! — воскликнул он. — Это очень любезно, ребята! Ну, а теперь кто из вас одолжит мне свою шинель?.. Для женщины, имя господне!

Не успел капитан закончить, как двадцать шинелей полетело на носки, и шестнадцать крепких рук подняли и понесли девушку, уткнувшуюся в шинели, еще хранившие теплое существо.

Солдаты тронулись в путь, бодрые и сияющие, словно каждый отдал добровольца.

Пойдите, — солдаты приближались к земле, точно земля в нее.

Внезапно, довольно-таки медленно, она выскользнула из

рук и упала на снег, вспыхнув

всех охватило веселье, которое занялось в крови всякого француза от присутствия женщины. Теперь солдаты шли, ускоряя шаг, и что-то налегали. Им почему-то уже не было холода. Старый стрелок, шедший позади носков, дрожал, сдавливая крепко, чтобы сменить устаревшего товарища, разоткровинившего с собой:

Хоть я уже не молод, парень, но все равно, ведь женщина — это такая штука, что душу тебе выворачивает назанянку!

До трех часов дня мы шли почти не отдыхая, потом, будто вздох, по рядам проносились команда: «Стой!» — и в одно мгновение все словно сдуло ветром — солдаты прикашивались к земле, точно земля в нее.

Внезапно, довольно-таки медленно, она выскользнула из

рук и упала на снег, вспыхнув

Рисунок П. Пинкевича.

казались смутные очертания какого-то чудовища, которое то растягивалось, как эмзя, то неожиданно сокращалось, принимая форму шара.

Родители не смогут солдаты шагом передавали друг другу слова команды. Время от времени слышалась сухой, металлический звук. Внезапно чудовище направилось в нашу сторону, и из ночной мглы один за другим на рыхких вылетели двенадцать уланов.

Теперь они были настолько близко, что мы слышали тяжелое дыхание лошадей, бряцание оружия и скрежет ремней.

И тут раздался громовой голос капитана:

— Огонь, имя господне!

Полсотни ружейных выстрелов раскололи ледяное безмолвие полей. Затем проходяты три или четыре запоздалых выстрела, потом еще один, и опять тишина. Когда засеклась пороховая дымка, мы увидели двенадцать уланов и двадцать лошадей, которых бились в предсмертных судорогах. Три уцепленные лошади бешеным галопом уносились прочь. Одна из них волчком轉了转自己的身子, чтобы выскочить из-под ноги всадника, который повис, запутавшись ногой в стремени.

Капитан радостно вскликнул:

— Пруссаков стало на двадцать меньше, имя господне!

Из толпы слышал кто-то ответил:

— Это я! я на столик же прибываю!

Еще кто-то сказал:

— Не хитро давай — отправить человека на тот свет.

В это время из-под груды шинели, сдавленных на ноги, послышался застывший голосок:

— Что там такое, отец? Почему стреляют?

Старик отвечал:

— Ничего, Сын, дочка. И моря погоды продолжался. Отряд шел еще час четыре. Небо бледнело. Вокруг лежал чистый, сверкающий белизнью чистый Холмогорский варежки облаками и на востоке поднимался заря, словно нарисованная акварелью.

Неожиданно издалека донесся чей-то голос:

— Кто идет?

Другой голос ему ответил. Весь отряд остановился, повинувшись команде, и капитан сам отправился вперед.

Ждать пришлось долго. Затем оторвалась тронулся, и через некоторое время мы увидели какую-то лачугу, перед которой стоял французский часовой с ружьем наперевес. Офицер, сидевший верхом на лошади, внимательно наблюдал за нашим приближением. Вдруг он спросил:

— А что это у вас там на носилках?

Куча шинелей зашевелилась, и из-под нее появились сначала две маленькие руки, которые их раздвигали, потом взъерошенная головка. Лица девушки закрывали растрепавшиеся волосы, но она весело ответила:

— Это я, сударыня. Я хорошо сплю, и потому ничего не забываю! Граница дружный ходят. Созданы мы счастьем до слез, до упаду. То был смех удовлетворения и радости. Одни из стрелков мне сказали:

— Всё ли требуют?

И отряд, словно объятый безумием, ровел в ответ неистовое:

— Да здравствует Республика!

* * *

С тех пор прошло двенадцать лет.

Но днешний я был в театре и замечал там молодую белокурую женщину, при виде ее изящной фигуры в драме моей пропаганды, как-то смутные воспоминания навязчивые и неопределенные, от которых я никак не мог отрешиться. Я почувствовал напротиводействие желания узнать имя этой женщины и готов был броситься с вопросом к любому встречному.

Кто-то сказал мне:

— Это графиня де Л., doch gräfin de Rubens.

И все подробности той ночи военных лет всплыли в моей памяти: сто я вспомнило и четко, что я немедля рассказал обо всем своему другу, сидевшему в соседнем с моном кресле, с тем, чтобы он поведал об этом публике.

16 февраля 1882 года.

Людское горе

Жан Деспар раздраженно заговорил:

— Ух, избавьте меня от такого счастья, счастья кровей и глупцов, довольствующихся дровами, возле пылающего камином, стаканом старого вина или же обитателями самки! Я вам говорю, что горе людского раздражает мне душу. Его я накою по-всюду, остынув взглядом вику его там, где я даже ничего не заметил, где, который, и да улице заняты лишь пьяные дамы: как бы позавесил про-вести нынешний вечер и продолжить кутеж завтра.

Нет, вы послушайте. На днешние оперы в гуще оживленной, радостной толпы я внезапно увидел некое существо, существа необыкновенно убогое. То было своеобразно, согнутая в три погибели старая в поклонях старых пльет. Ее голову прикрывала черная соломенная шляпа, преж-

ние украшения которой — ленты и цветы — были уже не вazelина и краски, а просто грязь на шляпе, волосы ноги с таким трудом, что я почувствовал, может быть, сильней, чем она сама, те мыши, которых стоял ей каждый шаг. Старуха шла, опираясь на две пальцы. Она двигалась, не замечая никого, безразличная ко всему — к шуму улицы, говору людей, стуку экипажей и синию скамейку, на которую села одна. В капюшоне конург Чарльз несся в кульминации переполненной, бешеною. Не хлеб ли? Да, несомненно. Ни один человек, никто из соседей не смог или не захотел оказать ей услугу, и она сама отправилась в это страшное путешествие — от чердака до булочного. Две часа, самое малое, требовалось ей для того, чтобы совершил путь в обе стороны. И какой нутрятельный путь!

Я окунул взглядом мансарды

огромных домов. И ей приходилось пройти сквозь туда, на самый верх! Когда придет она к себе? Сколько раз остановится, чтобы перевести дыхание, на ступенках черной лестницы, узкой и извилистой?

Прохожие поворачивались, глядя ей вслед. Кто-то вполголоса произнес: «Бедная женщина!» — и пошел дальше. Ее юбка, некий рубище, служившее обской, волосы — на краю, изношенному погоне. В глазах ее теплилась мысль. Мысль? Нет, не мысль, а страдание — страшное, снедающее, беспредметное! Вздумывалась когда-либо над тем, сколь несчастны старики, у которых нет ни куска хлеба, ни надежды, ни детей, — и вдруг, вспомнив, что же это за старуха, подождала ее за углом? Думали ли вы когда-нибудь о тех дряхлых, полумертвых от голода людях, которыхются на мансардах ваших домов? Думали ли вы о слезах, которым наполнились тусклые глаза их, глаза некогда блестящие, звоннованные и радостные!..

Но несколько мгновений Деспар засмеялся, затем продолжил:

— Вся радость существования — позвольте себе воспользоваться этим выражением, принадлежащим одному из самых могучих и глубоких романтистов нашей нации — Эмilio Золя, который как никто другой сумел увидеть, понять и передать, каким образом, как страшна гербийская проституция и немощи... вся радость существования однажды покинула меня навсегда.

То случилось три года назад, в Нормандии, во время охоты. Лицо осениний дождь. Яшел один по полю. Комы жирной земли осеня и скользили под ногами. Порой из-за комы высаживала куропатка, спутавшая меня, и, тяжко взмах крыльями, убегала, не нуждаясь в воде, чтобы не падать. Даже глотка воды некому подать, и это продолжается вот уже сутки!

Мне было так грустно, что ходилось плакать, плакать, как эти тучи, ливши слезы над целым миром и надо мной. Печаль наполнила мое сердце, я был настолько подавлен, что не ходил даже в туалет, потому что заложило глотку. Я уже собралась возвращаться домой, когда видел на проселочной дороге кабриолет местного доктора.

Этот черный, некий экипаж с круглым верхом, с запяженной в него карей лошадью показался мне представщиком смерти, блуждавшей по округе в этот зловещий день. Неожиданно экипаж остановился, и из него высунулась голова доктора,

— Постойте, господин Деспар!

Я приблизился. Доктор спросил:

— Вы не боитесь заразиться?

— Нет. Тогда помогите мне. Пожедите с большой дифтеритом. Я совсем один, а нужно, чтобы кто-нибудь держал больную, пока я буду уделять у нее из горла глиняники.

Я поеду с вами, — согласился я, садясь рядом с ним в экипаж.

Доктор рассказал мне, что симферопарии, удашающие несанкционированные сечи эпидемии, проникала в дом бедников Мартин. Отец и сын умерли еще в начале недели. Мать и дочь собираются последовать за ними. Соседка, которая ухаживала за больными, почувствовала, что и ей недодорвится, сбежала еще накануне, оставив двери раскрытыми. Обе больные лежали в кроватях, кружились головы, не могли дышать. Даже глотка воды некому подать, и это продолжается вот уже сутки!

Доктору удалось очистить горло женщины и напоить ее, но девочка, обезумевшая от страданий и боли, забылась в угол и спрятала голову в соломенный матрас, так и не дая себе прикосновения.

Рассказывая об этом, доктор повторял печально и покорно:

— Не могу же я целими днями сидеть возле своих больных. Боже! Сердце надрывается, когда видишь их. Подумать только, на целые сутки остаться без воды...

Наконец мы подъехали к ферме. Доктор вышел из лошади, снял рюкзак, вошел самим двойкой, и тут оба вошли.

В нас ударила залпы сырости и пленесии, запах больницы и погреба, от которого запернулся в горле. Но нас позвало каким-то магическим холодом. В доме было нетоплено, казалось, он облезло-дел.

Часы стояли; через дымоход каминка, откуда куры выбрались всю золу, текла дождевая вода. Из темного угла доносился хриплый чистое дыхание больного.

Мать, укрытая старыми одеялами и какими-то тряпками, неподвижно лежала на гробной крестьянской кровати, походившей на большой деревянный ящик.

Доктор спросил ее:

— У вас есть свечи?

Больная ответила низким, сдавленным голосом:

— В буфете.

Доктор зажег свечу и повел меня к постели, где лежала девочка.

Она тихоко дышала. Волосы ее были спутаны, щеки запали. При каждом вдохе на ее худенькой вытянутой шее появлялись складки. Девочка лежала на спине, вцепившись руками в ложемята, покрывающие ее. Завидев нас, она отвернулась и зарылась лицом в складку.

Я взял скатерть за плечи, и доктор, сняв открытым ей рот, извлек оттуда какую-то беловатую комочку, которая показалась мне высокой, как пергамент.

Девочка тотчас же стала дышать свободней и немного поплыла. Мать, приподнявшись на локте, наблюдала за нами. Она едва слышно произнесла:

— Ну как, готов?

— Да, готов.

— Тогда мы опять останемся совсем один!

Голос ее задрожал от страха одиночества, от боязни остаться в темноте, от ужаса перед смертью, близости которой она чувствовала.

Я ответил:

— Нет, милая. Я надеюсь, что господин Павловин придет вам сиделку! — И, повернувшись к доктору, сказал: — Пошлите к нему мужа моего. Я ей заплачу.

— Отлично. Я сию же минуту приведу ее сюда.

Он покаялся мне руку и вышел. Кабинетом его покатили, разбрызгивая колесами грязь.

Я остался с умирающими наедине.

Моя собака Паф растянулась перед потухшим камином, и это навело меня на мысль, что всем нам надо жить, чтобы всему миру жилось. Я вышел, чтобы пристроить дров и соломы; и вскоре забылось пламя, освещавшее дальний конец комнаты, где лежала Больная девочка, которая сноса на-чала задыхаться.

Я сел, протянув ноги к камину. В стекла хлестал дождь, ветер сотрясал крышу. В комнате слышалась лишь прерывистая, свинцовое дыхание больных, до сознания приближенное, задыхал от удовольствия, свирепуяще клубком подле яркого огня.

Жизнь! Жизнь! Для чего она? Эти два несчастных существа всю свою жизнь спали на соломе, ели один черный хлеб, надрывались на работе, как волы, претерпели все земные страдания и вот теперь долины были умертвлены! Чем провинились они? Ведь эти бедняки слыши добрими людьми, их любили и уважали, просты и честны.

Я вспоминал за тем, как дышались мои промокшие сапоги, как спокойно спала моя собачка. И меня яду охватила какая-то непонятная и постыдная радость при мысли, сколь отлична моя судьба от участия этих отверженных.

Девочка вновь начала задыхаться. Я не в силах был слышать этот хрюк, мне казалось, будто острая птица впивается в мое сердце.

Я подошел к бедняжке и спросил, не хочет ли она пить. Она никак не могла поднять голову, налила ей в рот немного воды. Но больная не могла ее проглотить.

Чтобы попаст в забой, рабочему приходилось скорчившись пролезать сквозь отверстия крепления штreta. Там, в темном закутке или щелью между боками скалы, на корточках, забобиной, рубаха угорь, кайлом, обувником, ломиком. Эти примитивные приборы труда сейчас можно видеть только в музее. Никаких механизмов в шахтах не было.

Давно миновало то время. Стальные каменопластовые шахты, где люди в каторжных условиях трудились по однинадцать с половиной часов в сутки, превратились в наши дни в оснащенные пер-

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

УЧЕНЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ...

ОТ ОБУШКА К УГОЛЬНОМУ КОМБАЙНУ

А. ТЕРПИГОРЕВ,
академик

довой техникой подземные механизированные залежи.

В нашей стране высока новая отрасль промышленности — горное машиностроение. Ее предприятия изготавливают отечественные врубовые машины, угольные комбайны и много других механизмов. Вся эта разнообразная техника дала нам возможность

вводить в шахтах комплексную механизацию, обеспечивающую выполнение вскоре в забое. Уголь добывается машиной комбайном, транспортируется конвейером, поднимается на поверхность мощными автоматизированными склонами. Рука человека даже не дотрагивается до угля на всем его пути от забоя до железнодорожного вагона.

Чтобы мы могли судить о том, каким успехом достигло сейчас советское угольное машиностроение, приведем факты. В 1949 году производительность отечественного угольного комбайна советской конструкции не превышала 3—4 тысячи тонн угля в месяц. В 1957 году комбайн «Донбасс» добывал в отдельные месяцы до 30 тысяч тонн. А сколько у нас еще других замечательных машин!

Я счастлив, что участвую в этом большом и важном деле, и горжусь своей Родиной, где труд человека стал радостью.

ТВОРИТЬ И ДЕРЗАТЬ!

А. ЛЕБЕДЕВ,
Герой Социалистического Труда, академик

аппараты, о которых прежде могли лишь мечтать.

Взять хотя бы созданный несколько лет назад в нашем Оптическом институте оптический микроскоп. Он позволил ученым сделать ряд очень существенных открытий.

Многим из вас, наверное, приходилось видеть, как работают геодезисты, топографы. Чтобы составить точную, подробную карту местности, им приходится производить много трудоемких измерений. Работы, как правило, затягиваются на недели, месяцы...

Чтобы ли создать прибор, с помощью которого можно было бы в нескольких минутах измерить расстояние в пятнадцать — двадцать километров с точностью до пятнадцати сантиметров? Если бы кто-нибудь задал подобный вопрос два — три десятка лет назад, его сочли бы, пожалуй, за несерьезного человека. Теперь такой прибор создан и уже прошел первые испытания.

В июня 1886 года.

Перевел с французского
В. КУЗНЕЦОВ.

Много и других достижений в оптической науке. Сейчас, например, ведутся большие работы по исследованию фотосопротивильных полупроводников, то есть способности изменять сопротивление в зависимости от освещенности. Полупроводниковые приемники света могут найти широкое

применение в автоматизации производства.

Великий Октябрь открыл неограниченные возможности для научного творчества, для осуществления самых дальних мечтаний и планов. Используем же эти возможности до конца, будем творить и дерзать!

РАДОСТЬ СОЗИДАНИЯ

Г. КУЗНЕЦОВ,

действительный член Академии строительства и архитектуры СССР, доктор технических наук

Если охватить мысленным взором нашу Родину, «бывшую» Великим Октябрём, то она предстает перед нами, как величественная, не бывшая в истории страна, вдали от всех дальних уголков нашей страны возникают новые города и поселки, корпуса заводов и фабрик, плотины гидростанций. Строитель — почтная профессия в Советском Союзе.

Стонут вспоминать, как отсталой была техника строительства до революции. Потие все работы выполнялись вручную. Тяжелым был труд тачечников, грабарей, виноградников.

За годы Советской власти строительное дело в нашей стране пережило подлинную революцию, стройки теперь оснащены первоклассными механизмами.

Вот как, например, было снажено средствами механизации площадки нового землемерного строительства трех жилых мораториев на Московском проспекте в Ленинграде. В распоряжении строителей имелись бульдозеры для разравнивания территорий, экскаваторы для выемки котлованов, мощные автомашинны и автогрунтовушки. На монтаже работали краны грузоподъемностью три — пять тонн. Для внутренней отделки зданий использовались пистолеты-распылители краски, пескоструйные аппараты и другие средства механизации.

Многие здания сейчас возво-

ляются в такие короткие сроки, о которых прежде неизвестно было и мечтать. Это происходит потому, что конструкции и детали изготавливаются заранее, а на стройке их, по существу, только собирают. Четырех — пятиэтажный жилой дом сооружают за два — два с половиной месяца, причем на монтаже занято не более десяти рабочих в смену.

За годы Советской власти жилищный фонд городов увеличился более чем в три и половину раза. За последние годы введен в эксплуатацию и построено триста миллионов квадратных метров жилой площади. И все же нужда в квартирах у нас еще велика.

Партия и правительство наметили в 1957 году новую грандиозную программу жилищного строительства. Только в 1956—1960 годах в городах и поселках должно быть построено триста двадцать восемь миллионов квадратных метров жилой площади. В одновременно стоящие за текущую пятилетку будет сооружено более одиннадцати миллионов квадратных метров жилья, почти столько же, сколько было во всей дореволюционной Москве.

Строители яро характеризуют эту размах, которого достигла у нас строительная техника, они с удовольствием говорят о ворожеском мастерстве рабочих, инженеров, техников, чьим трудом создаются жилые кварталы в городах и поселках нашей Родины.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ

Д. НАЛИВКИН,

академик, лауреат Ленинской премии

Когда я смотрю на географическую карту и вижу называние новых городов и поселков, меня охватывает чувство гордости за нашу страну, за ее великого человека, создавшего их. Мысленно я представляю себе, как возникла тот или иной город, ставший сегодня крупным промышленным и культурным центром. И почти всегда у истоков создания его я вижу геологов — неутомимых исследователей земных недр. Ведь именно с обследованием природных ресурсов страны. В каждой из созидающих ее местах будущих городов, первыми проходили пути-дороги.

Профессия геолога требует мужества, стойкости, хорошей физи-

ческой закалки. Кому, как не молодежи, быть покорителями природы! Всегда значение геологии в соединении природных ресурсов страны. Однако царское правительство не обращало на эту область науки никакого внимания. До революции у нас имелось всего-навсего одно геологическое учреждение — Геологический комитет, а геологов в всю Россию насчитывалось около шестидесяти человек.

Сейчас геологические учреждения есть во всех более или менее значительных центрах Советского Союза. В каждой союзной республике — свой геологический институт, который входит в систему

Академии наук СССР. Общее число геологов достигает около двадцати тысяч.

Недра советской земли таят в себе огромные богатства: миллионы тонн нефти, железа, угля, разнообразных полезных ископаемых. Жажда этой редкой минерал, как алмаз, который прежде приходилось покупать за границей, сейчас открыт в таком количестве, что мы имеем возможность посыпать его в другие страны.

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО

И. НИКОЛАЕВ,

член-корреспондент Академии наук СССР

Известно ли вам, дорогие друзья, что от царской России нам достались локомотивы мощностью всего лишь в 600 лошадиных сил? Теперь же по стальным магистралиам нашей страны движутся локомотивы мощностью, которых в 2—3 раза больше. Мощность восьмисекционных электропоездов достигает 5 700 лошадиных сил.

Уже один этот пример наглядно показывает, какая гигантский шаг сделал наш железнодорожный транспорт за сорок лет Советской власти. Помимо, когда я говорю о мощности локомотивов, составы с технической скоростью 25 километров в час. Это считается тогда большим достижением. А сейчас паропоезда типа «2-4-2» и тепловозы «ТЭ-3» дали на испытаниях среднюю скорость 160 километров в час.

До Октябрьской революции Россия не имела ни одного километра электрифицированной же-

лезной дороги. В 1925 году впервые был электрифицирован участок Баку — Суражаны, а в 1929 году — небольшой промежуточный путь между Москвой и Мытищами. В 1930 году электрифицирована трасса километров железнодорожных дорог. Осуществляется электрификация направления Москва — Куйбышев — Челябинск — Омск — Новосибирск — Иркутск протяженением более шести тысяч километров.

Мы живем в век реактивных и атомных двигателей. Наступит время, когда тяжеловесные поезда будут лететь на крыльях. Пускай это пока мечта. Но почему же не помечтать? Ведь уже строятся атомные ледоколы, работают атомные электростанции. Советские ученые уже занимаются вопросом использования атомной энергии на транспорте. И нет сомнения, что в недалеком будущем эта проблема будет успешно решена.

ЧУДЕСНЫЕ КРИСТАЛЛЫ

Г. ЦЫКИН,

доктор технических наук

Люди старшего поколения помнят, как на заре радиолюбительства — лет тридцать пять тому назад — появились детекторные радиоприемники. Как можно предположить, склонились над стальной пружинкой и кристалличком, чтобы добиться хорошей слышимости!

Первые радиолюбители с большой радостью приветствовали радиолампу, заменившую капризный детектор. Однако во время второй мировой войны, когда для многочисленных радиолокационных станций требовались малогабаритные преобразователи-детекторы, вспомнили о забытом кристалле.

И он опять пришел в технику, но уже в другом конструкции.

Полупроводники — эти маленькие кристаллы — после соответствующей, подчас весьма тонкой обработки обретают многие замечательные свойства. Если соединить, например, между собой два полупроводника, кремний и германий, то можно получить небольшой компактный выпрямитель, ко-

торый заменяет мощные сложные устройства.

А какие огромные экономические выгоды, производственные удобства даст замена десятков тысяч радиоламп полупроводниками в вычислительных машинах! У полупроводников большое будущее. Они с успехом могут превращать тепловую энергию в электрическую, минуя промежуточные звенья — двигатель — динамомашину.

А вот другая «специальность» полупроводников. Они помогут нам использовать поистине неисчерпаемые запасы лучистой энергии, которой так щедро наделяет нашу планету Солнце. И в недалеком будущем специальные батареи полупроводниковых фотодиодов смогут снабжать народные хозяйства огромным количеством электроэнергии.

Много можно говорить о применении полупроводниковых приборов в жизни человека. Сейчас сделаны лишь первые шаги, и трудно представить, какие блестящие результаты даст полное освоение этих чудесных кристаллов.

Г. КУЗНЕЦОВ

И. НИКОЛАЕВ

Г. ЦЫКИН

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА БРАТЧЕНКО

Приключенческая повесть

[См. «Смену» №№ 19 и 20].

В расположившемся где-то на Алтае городе Красные, темно что освобожденном от белогвардейцев, работники Чеки в глаze с Федором Братченко (псевдонимом выделился от его имени) строили планы на будущее коммунистического заговора. Участники заговора покинули из городского банка золото, готовится к вооруженному выступлению против белогвардейцев. Несколько кассир банка Новикова успевает предупредить Братченко, что они выступят 26 декабря. Убийца Федора — это Егор Малинин, один из управляющих банков Лессинга, который был арестован в связи с похищением золота. Федор освободил свою дочь Лессинга. Соня думает, что Братченко сделал это из просьбы.

Появившийся в городе кончины-оборт сообщил Федору о том, что краденое золото находятся в банке под землей. Альбинон — помощник десятих километров от Крайска. Взгрел в проходившем этого оброта, Братченко со вздохом прислонился к стене. Вокруг него стоял Егор Малинин, отправляясь на поиски заложника. В городе Федор оставил своего заместителя Никитина и другого помощника — Соколова Кольцова, которого попросил узнать, чей ключ был найден на снегу неподалеку от места нападения бандитов на Новикова.

При переходе через ущелье по узкому обнаженному ярую конный отряд Братченко, внесенный обстрелянным укрывшимися в засаде белогвардейцами, был разбит. Егор Малинин, спасшийся Федор пробирается обратно в Крайск. Нагнувшись ночью на белогвардейский лагерь, он выходит из затруднительного положения, с помощью Сони Лессинг, оказавшейся в этом лагере.

Начало светать. Я шел по обледневшей дороге. Местность была уже мне знакома. До Крайска поднялся вершина Белогорья. До Крайска поднялся не более двух десятков километров. Я думал о Соне, о том, о погибшем отряде, то приближающиеся воскресенье. В сущности, я не узнал ничего нового. О том, что двадцать шестого что-то готовится, ми было известно и прежде. Каковы силы заговорщиков, когда они выступают, — вот что мне хотелось выяснить. В Крайске был всегда один красноармейский полк...

Замеченный и усталый, я поднялся на крыльце обители.

— Никак сам товарищ Братченко!.. А тут вах ух покоронил! — сказал Лешка. — Кто мог сообщить? Я вбежал на второй этаж. Из-за двери доносились голоса.

В кресле развалился Егор Малинин. Лицо у него было красное, глаза припухли. На диване, расстretchedный и сердитый, сидел Николаев. У окна стоял Лешка.

— Я среди камней спрятавшись, все видел — услышал я последнюю фразу Малинина. И как же я, как коня наших уводили. Но Братченко среди убитых не было. Думаю, успел он на другую сторону перебраться...

— Что ж, он им живой дался! — спросил Николаев.

— То-то и оно! — начальство было Егор, но, увидев меня, кинулся с криком: — Федя, друг, жено!.. Выбрался-таки!

Через несколько минут Лешка докладывал:

— Мне удалось узнать, что они выступят

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С Федором Братченко Лешка Кольцов постремчался на рубеже между детством и юностью. И его смутное влечение к подавку нашло выход. Бывший гимнастик, романтик и фантазер, возмужая, но не утратив некоторой наивности, свойственной подростку. Научившись рисовать картины о побегах, начал воспринимать реальность, как детективную игру...

В тот день, когда случалось проникновение в банк, Лешка отправился к слесарю-ползаку, рассчитывая выяснить, кому принадлежит найденный ключ.

— Антони Жилинский! — прокричал Лешка на вывеске и, поправив перед стеклянной дверью фурзаку, вошел. В тесной мастерской он увидел прилавок, заваленный блестящими инструментами, стол с пожелтевшими газетами, проявленными стулья и самого хозяина, старого ползака с обиженным, как у моржа, усами, который сидел, закинув между ногами ржавый чайник...

— Здравствуйте! — сказал Лешка. — Вы можете уделять мне пару минут?

Слесарь отставил чайник и благожелательно посмотрел на посетителя.

— Я случайно нашел на улице ключ. Хотел бы отнести хозяину, но адреса не знаю, — продолжал Лешка. — Взгляните, может быть, вы вспомните, кто вам его заказывал?

Жилинский долго раздумывал над вопросом.

— Где-то я видел, — говорил он, — новый английский замок лапы Лозинской, стоячональной курской управы. Ключ от этого замка... — сказала хозяйин мастерской и отвернулась. — Ходите, только время отнимаете! — буркнул он.

Забыв поблагодарить слесаря, Лешка выскочил на улицу: «Лозинский! Не отец ли той Лели Лозинской, с которой года три тому назад танцевала на гимнастическом балу?» Кольцов притоптался дважды, вернулся домой, стоявший напротив —

— Два дня в следии за этим домом, пока не убедился, что там устраиваются какие-то тайные сборища! — сказал Лешка, покосившись на Малинина. — Я решил туда войти, хотя не знал, что буду говорить хозяевам, если те понятнее рассудят цели моего визита. Я понадеялся на счастливый случай...

— Парандная дверь так плотно прилегала к корсаку, что казалась приколоченной. Лешка вставила клюв в скважину — ведь у него свой клюв! — и онулся в прихожей.

Но дверь не открылась. Это было из-за замка, несомненно небогатой, но опрятной дорожкой. На стенах торчали деревянные колышки для верхней одежды. Висело зеркало. Лешка приглядев взмокшие от золения волосы и разделился. «Скажу, что дверь была открыта!» — мелькнуло у него. Поднявшись на второй этаж, он вошел в комнату, обставленную мебелью в белых, нахмуренных чехлах. «Гостиная!» — подумал Лешка.

Не успел он осмотреться, как из-за другой двери, спрятанной за бархатной портьерой, вышла пухленькая девица с густо напудрен-

ным лицом и скучающими голубыми глазами. Она прошлась по комнате, взблески кудрявые, как у пуделя, волосы и стала меланхолично водить пальцем по стеклу окна. Лешка хотел немедленно ретироваться, но девица обернулась. На ее круглом «кукольном» личике быстро сменились страх, любопытство, оживление.

— Боже мой, неужели это вы, Алеко! — воскликнула она. — Какими судьбами!.. Вероятно, к Серги!

— Да! — не растерялся Лешка. — Отчасти я к Серги, но не только к нему. Я и к вам, Леля!.. Вы стали настоящей красавицей!

— Вы, наверно, ужасный донжуан, — кокетливо погрозила пальчиком Леля и опустилась на софу, указывая Лешку место рядом с собой. — Давайте немножко поболтаем. Серж сию минуту пропал. Я вас раньше никогда не видела. Вы же, видите ли, вы, мурлыки, любите открыть свои дела таинственности. Когда у Серги собирается общество, он запирает дверь и не велит мне подходить. Но вы знаете, женщины ужасно любопытны! Я однажды подслушала ничего интересного. Кричат все об одном: «Ах, Россия, ох, Россия!». Подумавши, вершились судьбы!

В этот момент на лестнице послышалась сердитый мужской голос:

— Хотел бы я знать, как такой болван оставил дверь открытой!

— Ох, конечно, он имеет в виду меня! — встрепенулся Лешка. — Сейчас мне понадобился Леля, спрашивая в вашей комнате!

— Ах, право, не знаю! У меня, кажется, не убрано! — нерешительно ответила Леля.

— Я умолю! — горячо шепнула Лешка.

Они вышли из гостиной в тот момент, когда кто-то уже открывал дверь. Но их не успели заметить. Продолжая разговаривать с девушкой, Лешка не забыла зорко оглядывать по сторонам.

— Ах, право, если бы вы знали, сколько раз я собираюсь прятаться в комнатах!

Почему же не пришли? — удивилась Леля, открывая дверь в свою комнату. — Я ведь, кажется, не на Свершном полюсе живу!

Они сели возле миниатюрного столика, на котором лежала неожиданно вязаная вязанка, и поглядели пустой «светский» разговор. В искусстве вести ее Лешка не уступал Леле, и они с легкостью мотыльков перепархивали от одной темы к другой. Болтая, Кольцов прислушивался к тому, что делалось за перегородкой. Там сидела девочка, — Леля, — и говорила, а потом кто-то начал произносить речь. Да, Леля доложила: «Нет никаких выходов!». «Трудный путь!». Однако общий смысл ускользал. Но вскоре голоса заснували греческие. Невидимые собеседники вступили в спор. Лешка услышал:

— Итак, решено, господин Никонов ни слова, иначе план может поплыть! Надеюсь, все подготовились! Назначены времена. Предлагают в пятницу в двадцать четвертого декабря, в четыре часа утра. Сбор у места...

Лешка вскочил. Все было ясно: он в штаб-квартире заговорщиков. Нужно немедленно сообщить Братченко!

Рисунок Ю. Ракутина.

Дверь вдруг распахнулась, и на пороге вырос мужчина с белыми волосами, лицом, лицом. Лешка изумленно синял от обстановки. Он скатил девушку в объятия и поцеловал. Ошеломленная Леля не сопротивлялась.

— О, пardon, милостивый государыня! — проронил Лешка, делая вид, что только сейчас заметил who was there.

Тот внимательно посмотрел на девушку и перевел взгляд на Лешку:

— С кем имею честь?

— Кольцов Алексей!

— Сын Алексея Александровича, учителя географии!

— Ну, разве вы неизвестны? — пролепетала сконфуженная Леля.

Лешка не стал дожидаться, пока его разоблачат.

— Мне очень жаль, господин, — сказал он, — но я лишил возможности продолжать притянутую беседу. Я испомнил, что меня ждет неотложное дело!

Он решительно направился к двери, благоизволу миновал Сержа и очутился в коридоре, где на диване сидело несколько молодых людей. Лешка кубарем скатился на лестинце, сорвал с вешалки шинель и высокочине на крыльце.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лешка налил из графина воды в стакан и выпил запоями.

— Вот, собственно, и все! — закончил он свою рассказ.

— Товарищи, время терпит нельзя! — сказал Малинин, вставая. — Не забывайте, что через час наступит двадцать четвертое декабря! — Он был очень решителен. — Гедор Фаврилович, дозвольте, я мигом к Красильникову слетаю, возмущу роту!

— Хорошо, Малинин. Но прежде надо разобраться. У меня вызывает сомнение ваш срок.

Когда он успел его перенести? Всего несколько часов назад день выступил на премию...

— Не понимаю, чего вы хотели! — грубо перебил Егор. — Будем ждать до воскрысенья, а нас в пятницу раздробят, как малаки. Ну, перенесли — и перенесли! Догадались, наверно, что мы за ними следим!

Побежденный его уверенностью, я снял трубку и попросил шаг поле:

— Товарищ Красильников! Здравствуйте, говорит Бачинко.

— Здравствуйте, — после длинной паузы ответил начальник штаба. — Я передаю трубку товарищу Волошину. Он у меня.

В трубке послышался склонивший голову председателя рабкома.

— Прибыл! Через десять минут встретимся в рекомке!

— Да никогда мне, Петр Андреевич!

— Я тебя не в гости зову! — строго сказал Волошин.

— Новое дело... — проворчал я и стал надевать полушубок.

— Волошин, встретимся меня сухо, отрывисто поздоровался я, шагая по кабинету, бросая мне последние, общенные слова:

— Расскажи, как отряд загубил, а сам живой остался... Вот что!. Ловко! Под мостом, стало быть? Ты, оказывается, акробат!

— Петр Андреевич, что это вы? Не верите мне?

— Сомневаюсь! Я хитрить не умею! Пять лет верил, как себе, а сейчас сомневаюсь! Неизвестные дела у тебя творятся! Контрреволюционные элементы! Были помешаны на твоем имени, пытались убить тебя! С матерными выражениями лубяничничавши. Неизвестному отороту на слово териши, ведешь людей образом... Разбираются в этом я не стану, я не трибунал, но на пост председателя Чека ты оставаться не можешь. Сдай дела Николееву!

Всё во мне настинуло и дрожало, как струна.

— В данный момент сдать дела не могу.

— Не поднимайся!

— Да, не поднимайся! — В ушах у меня так шумело, что я слышал своего собственного голоса! — Кто-то зантересован в том, что я не был в Чехе... Не выйдет!

Волошин хмуро смотрел в сторону.

— Нынче на рассвете начнется вооруженное выступление заговорщиков. Уже час ночи. Не задерживай меня, Петр Андреевич, — сказал я и встал.

Волошин заслонил и долго свирлил меня пытливым взглядом.

— Ладно! — спокойно согласился он. — То, что ты злой, это хорошо! Но на одной связной ты злой далеко не уедешь. Врага не только в лоб бьют, но и на спину. И придумают что-нибудь... Впрочем, — подумал Волошин, — об этом мы после погромов, а сейчас действий! И не обижайся на старика; — совсем уже ласково похлопал он меня по плечу.

Думая о предстоящей операции, я бежал по улице, словно за мной гнали. Возле особняка гарцевали на конях красноармейцы. «Пригласи Красильникова!» — сообразил я, войдя в дом, увидев Малинина. Сдину папаху набекрень, он самодоволен приказывал командирам взводов:

— Разделены на три отряда и пойдем к мосту с разными сторонами...

«Тогда я не буду виноват!» — подумал я.

Малинин кричал:

— Орлы, пора в пути! Выходи строиться!

Уинес меня Николаев сказал:

— Отставьте!

— Ты, вижу, все уже организовал! — похва-

лил я Малинина, смытый про себя и лицуцищий взгляд Лешки, и дозволив ульбку Николаеву, и откровенно изумленный взгляд Егора. «Нетрудно догадаться, откуда черпал информацию товарищ Волошин!» — мелькнуло у меня в голове, но я и виду не подал.

Взял Малинина под руку, я вышел с ним на крыльцо. В маленьком дворике теснились всадники, выстроившиеся в ряды. Наконец распахнулись ворота. Лошади захрустели подковами по плащам снегу.

Я, Малинин, Николаев и Лешка ехали в первом четырехколесном экипаже, оторвавшись от базарной площади. Она была пустыня в этот час. Тускло горевший фонарь неизвестно освещал торговые ряды, запертые лавки, обладавшие булыжником. Здесь мы разбрелись на три группы. Взвод за взводом с Малининым направился к мосту. Другой взвод, с которым ехали я и Лешка, свирлил вправо, чтобы атаковать противника с фланга. Николаев возглавлял взвод, который должен был находиться в засаде.

Лешка, нервничая, беспредметно куря, я глядялся на него, боялся, что заметят в этом недостойном береге. Когда смутные очертания моста выступили над белой поверхностью реки, я зажег под шинелью спичку, взглянул на часы. Было четверти четырех. Пора!

Спешившись, бойцы рассыпались цепью, окружая мост. Я шел рядом с Лешкой, снимая награду. Между каменных «брыкаков» на льду мелькали темы. Из-за разорванной тучи выплынула ущербная луна, и я увидел группу всадников, застывших у берега. Когда по реке разнесся сигнал, я зажег второй свет луны, всадники неслышно передвинулись в густую тему, отбрасываясь мостом.

Кого-то ждут! — шепнул Лешка.

Мы перебежали ближе. Я вытащил из-за пазух приспособленную ракетницу и спустил курок. Мертвенно-зеленый свет на несколько секунд зажег руки и высокий берег. Гулко рассыпались выстрелы. Мы подбежали к мосту.

— Руки вверх, контроль — сказали закричал Егор, размахивая шашкой, но всадники приспешники подняли руки, и курок не спрятался. Они послушно подняли руки. При слабом свете луны я разглядел их. Молодые, безусые, с перепуганными лицами, плениники проходили сквозь блеклое вспышление. Мы тихо скользили сквозь них. Ни от одного не оказалось оружия. Только у рослого мужчины в заднем кармане я нашел нож в чехле.

— Это и есть Серки! — шепнул радостно возбужденный Лешка.

Мы стало не на себе. Я понял, что мы опять промахнулись. Неужели вот эти семеро безоружных, испуганных юноши и есть те самые заговорщики, с которыми связан Степан? Я принял обличье секретаря Степаниха. Но красноармейцы вернулись ни с чем.

Было совсем светло, когда мы вернулись в особняк на Никольской. Задержанных авели в кабинет. Самым старшим и наиболее хладнокровным из них был Серик. Он пристально взглянул на Лешку, но не подал вида, что узнал его. Обще, он не казался испуганным. Его круглое, женское лицо выражало полное равнодушие.

Иначе валили себя другие арестованные. Одни просто сидели на балконах молодой человек прятался за спину своих друзей и с искосом следил за нами.

Остальные были чьим-то похожи друг на друга — сытые физиономии, опрятная одежда, друсливые глаза находившихся щенков...

— Главное, не дать им опомниться! — отвел меня в сторону Малинин. — Вы старшего додрите, а мы с Николаевым другим займемся!

Когда задержанных выводили, Серик громко сказал:

— Вы от нас ничего не добьетесь! Мы не унимаемся перед вами! — Эта фраза была явно предназначена для его друзей.

Приказав Лешки вместе с красноармейцами пронестили обмык в дом Лешки. Я вспомнил краину Степаниха. Серик сказал, положив ногу на колено, полузакрыл глаза, всен андан покаяния, что придется не будет. Я решил дать ему почутствовать, что здесь с ним не намерены шутить:

— У вас есть три минуты на размышление! Или вы бросите валить дурака и расскажете все, что вам известно о белогвардейском за-

ПОБЕДИТЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО ТУРНИРА

Немало славных побед на счету шахматистов Советского Союза. Из достижений выдающегося этого сезона выделяется яркое, оригинальное выступление наших гроссмейстеров на командном турнире европейской шахматной федерации. Учрежденный ими турнир принял участие команды одиннадцати стран, и только три из них удостоились права играть в финал. В этот решающей схватке, которая состоялась в австрийском городе Грац, команда Болгарии, встретившись с командой СССР, Чехословакии, Югославии и Федеративной Республики Германия, в ее составе было 18 гроссмейстеров и 39 мастеров.

В эту группу входили чемпион мира Василий Смыслов, Пауль Керес, Давид Бронштейн, Михаил Борис Спасский, Тигран Петросян, Мирослав Тайманов, Виноградов, Александр Тодулин, Иван Голубев, Юрий Авербах и мастер Лев Аронян. Команда Советского Союза состояла из 16 гроссмейстеров и 60 возможных и, опередив лидировавшую вслед за ней команду Югославии на пять седьмых очков, завоевала первенство Европы.

Весьма значительны творческие итоги турнира в Ба-

дене. Там был сыгран ряд гениальных партий, включая первую на шахматной доске, предложенную вниманию читателей «Смены». Болельщики «Смены» и известный немецкий мастер Г. Тешнер.

1. e4, 2. K3, Kс6 3. Сb5, ab 4. Сd4, Кb6 0-0, ab 6. c3, С7, 7. d4, ab 8. Сb5, Сd4. Этот его размен ошибочны и ведут к трудностям. Сделаво

против, Тешнер выиграл.

9. ed, С:е3! Меньшим злом было потерять темпа при реализации плана на пешке d7. Теперь, пытаясь избавиться от пешки b6, Но Таль не допустил ошибки, и в результате выиграл партию, он захватил инициативу и энергично начал ее разыгрывать.

10. Ф:е3, ed, 11. Фe3, ab

Явно невыгодно для черных

12. Фd3, ab 13. Сd4, ab 14. Крb5 15. ed, ab 16. Фe3!

Решающая ошибочка, позволяющая противнику развернуть сильнейшую атаку на черного короля.

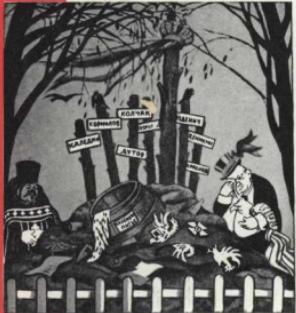
17. Фd3, ab 18. Сf3, ab 19. Сd4, ab 20. Фd3, ab 21. Сf3, ab 22. Фd3, ab 23. Сd4, ab 24. Фd3, ab 25. Крb5, ab 26. ed, ab 27. Фd3, ab 28. Сd4, ab 29. Фd3, ab 30. Сd4, ab 31. Фd3, ab 32. Сd4, ab 33. Фd3, ab 34. Сd4, ab 35. Фd3, ab 36. Сd4, ab 37. Фd3, ab 38. Сd4, ab 39. Фd3, ab 40. Сd4, ab 41. Фd3, ab 42. Сd4, ab 43. Фd3, ab 44. Сd4, ab 45. Фd3, ab 46. Сd4, ab 47. Фd3, ab 48. Сd4, ab 49. Фd3, ab 50. Сd4, ab 51. Фd3, ab 52. Сd4, ab 53. Фd3, ab 54. Сd4, ab 55. Фd3, ab 56. Сd4, ab 57. Фd3, ab 58. Сd4, ab 59. Фd3, ab 60. Сd4, ab 61. Фd3, ab 62. Сd4, ab 63. Фd3, ab 64. Сd4, ab 65. Фd3, ab 66. Сd4, ab 67. Фd3, ab 68. Сd4, ab 69. Фd3, ab 70. Сd4, ab 71. Фd3, ab 72. Сd4, ab 73. Фd3, ab 74. Сd4, ab 75. Фd3, ab 76. Сd4, ab 77. Фd3, ab 78. Сd4, ab 79. Фd3, ab 80. Сd4, ab 81. Фd3, ab 82. Сd4, ab 83. Фd3, ab 84. Сd4, ab 85. Фd3, ab 86. Сd4, ab 87. Фd3, ab 88. Сd4, ab 89. Фd3, ab 90. Сd4, ab 91. Фd3, ab 92. Сd4, ab 93. Фd3, ab 94. Сd4, ab 95. Фd3, ab 96. Сd4, ab 97. Фd3, ab 98. Сd4, ab 99. Фd3, ab 100. Сd4, ab 101. Фd3, ab 102. Сd4, ab 103. Фd3, ab 104. Сd4, ab 105. Фd3, ab 106. Сd4, ab 107. Фd3, ab 108. Сd4, ab 109. Фd3, ab 110. Сd4, ab 111. Фd3, ab 112. Сd4, ab 113. Фd3, ab 114. Сd4, ab 115. Фd3, ab 116. Сd4, ab 117. Фd3, ab 118. Сd4, ab 119. Фd3, ab 120. Сd4, ab 121. Фd3, ab 122. Сd4, ab 123. Фd3, ab 124. Сd4, ab 125. Фd3, ab 126. Сd4, ab 127. Фd3, ab 128. Сd4, ab 129. Фd3, ab 130. Сd4, ab 131. Фd3, ab 132. Сd4, ab 133. Фd3, ab 134. Сd4, ab 135. Фd3, ab 136. Сd4, ab 137. Фd3, ab 138. Сd4, ab 139. Фd3, ab 140. Сd4, ab 141. Фd3, ab 142. Сd4, ab 143. Фd3, ab 144. Сd4, ab 145. Фd3, ab 146. Сd4, ab 147. Фd3, ab 148. Сd4, ab 149. Фd3, ab 150. Сd4, ab 151. Фd3, ab 152. Сd4, ab 153. Фd3, ab 154. Сd4, ab 155. Фd3, ab 156. Сd4, ab 157. Фd3, ab 158. Сd4, ab 159. Фd3, ab 160. Сd4, ab 161. Фd3, ab 162. Сd4, ab 163. Фd3, ab 164. Сd4, ab 165. Фd3, ab 166. Сd4, ab 167. Фd3, ab 168. Сd4, ab 169. Фd3, ab 170. Сd4, ab 171. Фd3, ab 172. Сd4, ab 173. Фd3, ab 174. Сd4, ab 175. Фd3, ab 176. Сd4, ab 177. Фd3, ab 178. Сd4, ab 179. Фd3, ab 180. Сd4, ab 181. Фd3, ab 182. Сd4, ab 183. Фd3, ab 184. Сd4, ab 185. Фd3, ab 186. Сd4, ab 187. Фd3, ab 188. Сd4, ab 189. Фd3, ab 190. Сd4, ab 191. Фd3, ab 192. Сd4, ab 193. Фd3, ab 194. Сd4, ab 195. Фd3, ab 196. Сd4, ab 197. Фd3, ab 198. Сd4, ab 199. Фd3, ab 200. Сd4, ab 201. Фd3, ab 202. Сd4, ab 203. Фd3, ab 204. Сd4, ab 205. Фd3, ab 206. Сd4, ab 207. Фd3, ab 208. Сd4, ab 209. Фd3, ab 210. Сd4, ab 211. Фd3, ab 212. Сd4, ab 213. Фd3, ab 214. Сd4, ab 215. Фd3, ab 216. Сd4, ab 217. Фd3, ab 218. Сd4, ab 219. Фd3, ab 220. Сd4, ab 221. Фd3, ab 222. Сd4, ab 223. Фd3, ab 224. Сd4, ab 225. Фd3, ab 226. Сd4, ab 227. Фd3, ab 228. Сd4, ab 229. Фd3, ab 230. Сd4, ab 231. Фd3, ab 232. Сd4, ab 233. Фd3, ab 234. Сd4, ab 235. Фd3, ab 236. Сd4, ab 237. Фd3, ab 238. Сd4, ab 239. Фd3, ab 240. Сd4, ab 241. Фd3, ab 242. Сd4, ab 243. Фd3, ab 244. Сd4, ab 245. Фd3, ab 246. Сd4, ab 247. Фd3, ab 248. Сd4, ab 249. Фd3, ab 250. Сd4, ab 251. Фd3, ab 252. Сd4, ab 253. Фd3, ab 254. Сd4, ab 255. Фd3, ab 256. Сd4, ab 257. Фd3, ab 258. Сd4, ab 259. Фd3, ab 260. Сd4, ab 261. Фd3, ab 262. Сd4, ab 263. Фd3, ab 264. Сd4, ab 265. Фd3, ab 266. Сd4, ab 267. Фd3, ab 268. Сd4, ab 269. Фd3, ab 270. Сd4, ab 271. Фd3, ab 272. Сd4, ab 273. Фd3, ab 274. Сd4, ab 275. Фd3, ab 276. Сd4, ab 277. Фd3, ab 278. Сd4, ab 279. Фd3, ab 280. Сd4, ab 281. Фd3, ab 282. Сd4, ab 283. Фd3, ab 284. Сd4, ab 285. Фd3, ab 286. Сd4, ab 287. Фd3, ab 288. Сd4, ab 289. Фd3, ab 290. Сd4, ab 291. Фd3, ab 292. Сd4, ab 293. Фd3, ab 294. Сd4, ab 295. Фd3, ab 296. Сd4, ab 297. Фd3, ab 298. Сd4, ab 299. Фd3, ab 300. Сd4, ab 301. Фd3, ab 302. Сd4, ab 303. Фd3, ab 304. Сd4, ab 305. Фd3, ab 306. Сd4, ab 307. Фd3, ab 308. Сd4, ab 309. Фd3, ab 310. Сd4, ab 311. Фd3, ab 312. Сd4, ab 313. Фd3, ab 314. Сd4, ab 315. Фd3, ab 316. Сd4, ab 317. Фd3, ab 318. Сd4, ab 319. Фd3, ab 320. Сd4, ab 321. Фd3, ab 322. Сd4, ab 323. Фd3, ab 324. Сd4, ab 325. Фd3, ab 326. Сd4, ab 327. Фd3, ab 328. Сd4, ab 329. Фd3, ab 330. Сd4, ab 331. Фd3, ab 332. Сd4, ab 333. Фd3, ab 334. Сd4, ab 335. Фd3, ab 336. Сd4, ab 337. Фd3, ab 338. Сd4, ab 339. Фd3, ab 340. Сd4, ab 341. Фd3, ab 342. Сd4, ab 343. Фd3, ab 344. Сd4, ab 345. Фd3, ab 346. Сd4, ab 347. Фd3, ab 348. Сd4, ab 349. Фd3, ab 350. Сd4, ab 351. Фd3, ab 352. Сd4, ab 353. Фd3, ab 354. Сd4, ab 355. Фd3, ab 356. Сd4, ab 357. Фd3, ab 358. Сd4, ab 359. Фd3, ab 360. Сd4, ab 361. Фd3, ab 362. Сd4, ab 363. Фd3, ab 364. Сd4, ab 365. Фd3, ab 366. Сd4, ab 367. Фd3, ab 368. Сd4, ab 369. Фd3, ab 370. Сd4, ab 371. Фd3, ab 372. Сd4, ab 373. Фd3, ab 374. Сd4, ab 375. Фd3, ab 376. Сd4, ab 377. Фd3, ab 378. Сd4, ab 379. Фd3, ab 380. Сd4, ab 381. Фd3, ab 382. Сd4, ab 383. Фd3, ab 384. Сd4, ab 385. Фd3, ab 386. Сd4, ab 387. Фd3, ab 388. Сd4, ab 389. Фd3, ab 390. Сd4, ab 391. Фd3, ab 392. Сd4, ab 393. Фd3, ab 394. Сd4, ab 395. Фd3, ab 396. Сd4, ab 397. Фd3, ab 398. Сd4, ab 399. Фd3, ab 400. Сd4, ab 401. Фd3, ab 402. Сd4, ab 403. Фd3, ab 404. Сd4, ab 405. Фd3, ab 406. Сd4, ab 407. Фd3, ab 408. Сd4, ab 409. Фd3, ab 410. Сd4, ab 411. Фd3, ab 412. Сd4, ab 413. Фd3, ab 414. Сd4, ab 415. Фd3, ab 416. Сd4, ab 417. Фd3, ab 418. Сd4, ab 419. Фd3, ab 420. Сd4, ab 421. Фd3, ab 422. Сd4, ab 423. Фd3, ab 424. Сd4, ab 425. Фd3, ab 426. Сd4, ab 427. Фd3, ab 428. Сd4, ab 429. Фd3, ab 430. Сd4, ab 431. Фd3, ab 432. Сd4, ab 433. Фd3, ab 434. Сd4, ab 435. Фd3, ab 436. Сd4, ab 437. Фd3, ab 438. Сd4, ab 439. Фd3, ab 440. Сd4, ab 441. Фd3, ab 442. Сd4, ab 443. Фd3, ab 444. Сd4, ab 445. Фd3, ab 446. Сd4, ab 447. Фd3, ab 448. Сd4, ab 449. Фd3, ab 450. Сd4, ab 451. Фd3, ab 452. Сd4, ab 453. Фd3, ab 454. Сd4, ab 455. Фd3, ab 456. Сd4, ab 457. Фd3, ab 458. Сd4, ab 459. Фd3, ab 460. Сd4, ab 461. Фd3, ab 462. Сd4, ab 463. Фd3, ab 464. Сd4, ab 465. Фd3, ab 466. Сd4, ab 467. Фd3, ab 468. Сd4, ab 469. Фd3, ab 470. Сd4, ab 471. Фd3, ab 472. Сd4, ab 473. Фd3, ab 474. Сd4, ab 475. Фd3, ab 476. Сd4, ab 477. Фd3, ab 478. Сd4, ab 479. Фd3, ab 480. Сd4, ab 481. Фd3, ab 482. Сd4, ab 483. Фd3, ab 484. Сd4, ab 485. Фd3, ab 486. Сd4, ab 487. Фd3, ab 488. Сd4, ab 489. Фd3, ab 490. Сd4, ab 491. Фd3, ab 492. Сd4, ab 493. Фd3, ab 494. Сd4, ab 495. Фd3, ab 496. Сd4, ab 497. Фd3, ab 498. Сd4, ab 499. Фd3, ab 500. Сd4, ab 501. Фd3, ab 502. Сd4, ab 503. Фd3, ab 504. Сd4, ab 505. Фd3, ab 506. Сd4, ab 507. Фd3, ab 508. Сd4, ab 509. Фd3, ab 510. Сd4, ab 511. Фd3, ab 512. Сd4, ab 513. Фd3, ab 514. Сd4, ab 515. Фd3, ab 516. Сd4, ab 517. Фd3, ab 518. Сd4, ab 519. Фd3, ab 520. Сd4, ab 521. Фd3, ab 522. Сd4, ab 523. Фd3, ab 524. Сd4, ab 525. Фd3, ab 526. Сd4, ab 527. Фd3, ab 528. Сd4, ab 529. Фd3, ab 530. Сd4, ab 531. Фd3, ab 532. Сd4, ab 533. Фd3, ab 534. Сd4, ab 535. Фd3, ab 536. Сd4, ab 537. Фd3, ab 538. Сd4, ab 539. Фd3, ab 540. Сd4, ab 541. Фd3, ab 542. Сd4, ab 543. Фd3, ab 544. Сd4, ab 545. Фd3, ab 546. Сd4, ab 547. Фd3, ab 548. Сd4, ab 549. Фd3, ab 550. Сd4, ab 551. Фd3, ab 552. Сd4, ab 553. Фd3, ab 554. Сd4, ab 555. Фd3, ab 556. Сd4, ab 557. Фd3, ab 558. Сd4, ab 559. Фd3, ab 560. Сd4, ab 561. Фd3, ab 562. Сd4, ab 563. Фd3, ab 564. Сd4, ab 565. Фd3, ab 566. Сd4, ab 567. Фd3, ab 568. Сd4, ab 569. Фd3, ab 570. Сd4, ab 571. Фd3, ab 572. Сd4, ab 573. Фd3, ab 574. Сd4, ab 575. Фd3, ab 576. Сd4, ab 577. Фd3, ab 578. Сd4, ab 579. Фd3, ab 580. Сd4, ab 581. Фd3, ab 582. Сd4, ab 583. Фd3, ab 584. Сd4, ab 585. Фd3, ab 586. Сd4, ab 587. Фd3, ab 588. Сd4, ab 589. Фd3, ab 590. Сd4, ab 591. Фd3, ab 592. Сd4, ab 593. Фd3, ab 594. Сd4, ab 595. Фd3, ab 596. Сd4, ab 597. Фd3, ab 598. Сd4, ab 599. Фd3, ab 600. Сd4, ab 601. Фd3, ab 602. Сd4, ab 603. Фd3, ab 604. Сd4, ab 605. Фd3, ab 606. Сd4, ab 607. Фd3, ab 608. Сd4, ab 609. Фd3, ab 610. Сd4, ab 611. Фd3, ab 612. Сd4, ab 613. Фd3, ab 614. Сd4, ab 615. Фd3, ab 616. Сd4, ab 617. Фd3, ab 618. Сd4, ab 619. Фd3, ab 620. Сd4, ab 621. Фd3, ab 622. Сd4, ab 623. Фd3, ab 624. Сd4, ab 625. Фd3, ab 626. Сd4, ab 627. Фd3, ab 628. Сd4, ab 629. Фd3, ab 630. Сd4, ab 631. Фd3, ab 632. Сd4, ab 633. Фd3, ab 634. Сd4, ab 635. Фd3, ab 636. Сd4, ab 637. Фd3, ab 638. Сd4, ab 639. Фd3, ab 640. Сd4, ab 641. Фd3, ab 642. Сd4, ab 643. Фd3, ab 644. Сd4, ab 645. Фd3, ab 646. Сd4, ab 647. Фd3, ab 648. Сd4, ab 649. Фd3, ab 650. Сd4, ab 651. Фd3, ab 652. Сd4, ab 653. Фd3, ab 654. Сd4, ab 655. Фd3, ab 656. Сd4, ab 657. Фd3, ab 658. Сd4, ab 659. Фd3, ab 660. Сd4, ab 661. Фd3, ab 662. Сd4, ab 663. Фd3, ab 664. Сd4, ab 665. Фd3, ab 666. Сd4, ab 667. Фd3, ab 668. Сd4, ab 669. Фd3, ab 670. Сd4, ab 671. Фd3, ab 672. Сd4, ab 673. Фd3, ab 674. Сd4, ab 675. Фd3, ab 676. Сd4, ab 677. Фd3, ab 678. Сd4, ab 679. Фd3, ab 680. Сd4, ab 681. Фd3, ab 682. Сd4, ab 683. Фd3, ab 684. Сd4, ab 685. Фd3, ab 686. Сd4, ab 687. Фd3, ab 688. Сd4, ab 689. Фd3, ab 690. Сd4, ab 691. Фd3, ab 692. Сd4, ab 693. Фd3, ab 694. Сd4, ab 695. Фd3, ab 696. Сd4, ab 697. Фd3, ab 698. Сd4, ab 699. Фd3, ab 700. Сd4, ab 701. Фd3, ab 702. Сd4, ab 703. Фd3, ab 704. Сd4, ab 705. Фd3, ab 706. Сd4, ab 707. Фd3, ab 708. Сd4, ab 709. Фd3, ab 710. Сd4, ab 711. Фd3, ab 712. Сd4, ab 713. Фd3, ab 714. Сd4, ab 715. Фd3, ab 716. Сd4, ab 717. Фd3, ab 718. Сd4, ab 719. Фd3, ab 720. Сd4, ab 721. Фd3, ab 722. Сd4, ab 723. Фd3, ab 724. Сd4, ab 725. Фd3, ab 726. Сd4, ab 727. Фd3, ab 728. Сd4, ab 729. Фd3, ab 730. Сd4, ab 731. Фd3, ab 732. Сd4, ab 733. Фd3, ab 734. Сd4, ab 735. Фd3, ab 736. Сd4, ab 737. Фd3, ab 738. Сd4, ab 739. Фd3, ab 740. Сd4, ab 741. Фd3, ab 742. Сd4, ab 743. Фd3, ab 744. Сd4, ab 745. Фd3, ab 746. Сd4, ab 747. Фd3, ab 748. Сd4, ab 749. Фd3, ab 750. Сd4, ab 751. Фd3, ab 752. Сd4, ab 753. Фd3, ab 754. Сd4, ab 755. Фd3, ab 756. Сd4, ab 757. Фd3, ab 758. Сd4, ab 759. Фd3, ab 760. Сd4, ab 761. Фd3, ab 762. Сd4, ab 763. Фd3, ab 764. Сd4, ab 765. Фd3, ab 766. Сd4, ab 767. Фd3, ab 768. Сd4, ab 769. Фd3, ab 770. Сd4, ab 771. Фd3, ab 772. Сd4, ab 773. Фd3, ab 774. Сd4, ab 775. Фd3, ab 776. Сd4, ab 777. Фd3, ab 778. Сd4, ab 779. Фd3, ab 780. Сd4, ab 781. Фd3, ab 782. Сd4, ab 783. Фd3, ab 784. Сd4, ab 785. Фd3, ab 786. Сd4, ab 787. Фd3, ab 788. Сd4, ab 789. Фd3, ab 790. Сd4, ab 791. Фd3, ab 792. Сd4, ab 793. Фd3, ab 794. Сd4, ab 795. Фd3, ab 796. Сd4, ab 797. Фd3, ab 798. Сd4, ab 799. Фd3, ab 800. Сd4, ab 801. Фd3, ab 802. Сd4, ab 803. Фd3, ab 804. Сd4, ab 805. Фd3, ab 806. Сd4, ab 807. Фd3, ab 808. Сd4, ab 809. Фd3, ab 810. Сd4, ab 811. Фd3, ab 812. Сd4, ab 813. Фd3, ab 814. Сd4, ab 815. Фd3, ab 816. Сd4, ab 817. Фd3, ab 818. Сd4, ab 819. Фd3, ab 820. Сd4, ab 821. Фd3, ab 822. Сd4, ab 823. Фd3, ab 824. Сd4, ab 825. Фd3, ab 826. Сd4, ab 827. Фd3, ab 828. Сd4, ab 829. Фd3, ab 830. Сd4, ab 831. Фd3, ab 832. Сd4, ab 833. Фd3, ab 834. Сd4, ab 835. Фd3, ab 836. Сd4, ab 837. Фd3, ab 838. Сd4, ab 839. Фd3, ab 840. Сd4, ab 841. Фd3, ab 842. Сd4, ab 843. Фd3, ab 844. Сd4, ab 845. Фd3, ab 846. Сd4, ab 847. Фd3, ab 848. Сd4, ab 849. Фd3, ab 850. Сd4, ab 851. Фd3, ab 852. Сd4, ab 853. Фd3, ab 854. Сd4, ab 855. Фd3, ab 856. Сd4, ab 857. Фd3, ab 858. Сd4, ab 859. Фd3, ab 860. Сd4, ab 861. Фd3, ab 862. Сd4, ab 863. Фd3, ab 864. Сd4, ab 865. Фd3, ab 866. Сd4, ab 867. Фd3, ab 868. Сd4, ab 869. Фd3, ab 870. Сd4, ab 871. Фd3, ab 872. Сd4, ab 873. Фd3, ab 874. Сd4, ab 875. Фd3, ab 876. Сd4, ab 877. Фd3, ab 878. Сd4, ab 879. Фd3, ab 880. Сd4, ab 881. Фd3, ab 882. Сd4, ab 883. Фd3, ab 884. Сd4, ab 885. Фd3, ab 886. Сd4, ab 887. Фd3, ab 888. Сd4, ab 889. Фd3, ab 890. Сd4, ab 891. Фd3, ab 892. Сd4, ab 893. Фd3, ab 894. Сd4, ab 895. Фd3, ab 896. Сd4, ab 897. Фd3, ab 898. Сd4, ab 899. Фd3, ab 900. Сd4, ab 901. Фd3, ab 902. Сd4, ab 903. Фd3, ab 904. Сd4, ab 905. Фd3, ab 906. Сd4, ab 907. Фd3, ab 908. Сd4, ab 909. Фd3, ab 910. Сd4, ab 911. Фd3, ab 912. Сd4, ab 913. Фd3, ab 914. Сd4, ab 915. Фd3, ab 916. Сd4, ab 917. Фd3, ab 918. Сd4, ab 919. Фd3, ab 920. Сd4, ab 921. Фd3, ab 922. Сd4, ab 923. Фd3, ab 924. Сd4, ab 925. Фd3, ab 926. Сd4, ab 927. Фd3, ab 928. Сd4, ab 929. Фd3, ab 930. Сd4, ab 931. Фd3, ab 932. Сd4, ab 933. Фd3, ab 934. Сd4, ab 935. Фd3, ab 936. Сd4, ab 937. Фd3, ab 938. Сd4, ab 939. Фd3, ab 940. Сd4, ab 941. Фd3, ab 942. Сd4, ab 943. Фd3, ab 944. Сd4, ab 945. Фd3, ab 946. Сd4, ab 947. Фd3, ab 948. Сd4, ab 949. Фd3, ab 950. Сd4, ab 951. Фd3, ab 952. Сd4, ab 953. Фd3, ab 954. Сd4, ab 955. Фd3, ab 956. Сd4, ab 957. Фd3, ab 958. Сd4, ab 959. Фd3, ab 960. Сd4, ab 961. Фd3, ab 962. Сd4, ab 963. Фd3, ab 964. Сd4, ab 965. Фd3, ab 966. Сd4, ab 967. Фd3, ab 968. Сd4, ab 969. Фd3, ab 970. Сd4, ab 971. Фd3, ab 972. Сd4, ab 973. Фd3, ab 974. Сd4, ab 975. Фd3, ab 976. Сd4, ab 977. Фd3, ab 978. Сd4, ab 979. Фd3, ab 980. Сd4, ab 981. Фd3, ab 982. Сd4, ab 983. Фd3, ab 984. Сd4, ab 985. Фd3, ab 986. Сd4, ab 987. Фd3, ab 988. Сd4, ab 989. Фd3, ab 990. Сd4, ab 991. Фd3, ab 992. Сd4, ab 993. Фd3, ab 994. Сd4, ab 995. Фd3, ab 996. Сd4, ab 997. Фd3, ab 998. Сd4, ab 999. Фd3, ab 1000. Сd4, ab 1001. Фd3, ab 1002. Сd4, ab 1003. Фd3, ab 1004. Сd4, ab 1005. Фd3, ab 1006. Сd4, ab 1007. Фd3, ab 1008. Сd4, ab 1009. Фd3, ab 1010. Сd4, ab 1011. Фd3, ab 1012. Сd4, ab 1013. Фd3, ab 1014. Сd4, ab 1015. Фd3, ab 1016. Сd4, ab 1017. Фd3, ab 1018. Сd4, ab 1019. Фd3, ab 1020. Сd4, ab 1021. Фd3, ab 1022. Сd4, ab 1023. Фd3, ab 1024. Сd4, ab 1025. Фd3, ab 1026. Сd4, ab 1027. Фd3, ab 1028. Сd4, ab 1029. Фd3, ab 1030. Сd4, ab 1031. Фd3, ab 1032. Сd4, ab 1033. Фd3, ab 1034. Сd4, ab 1035. Фd3, ab 1036. Сd4, ab 1037. Фd3, ab 1038. Сd4, ab 1039. Фd3, ab 1040. Сd4, ab 1041. Фd3, ab 1042. Сd4, ab 1043. Фd3, ab 1044. Сd4, ab 1045. Фd3, ab 1046. Сd4, ab 1047. Фd3, ab 1048. Сd4, ab 1049. Фd3, ab 1050. Сd4, ab 1051. Фd3, ab 1052. Сd4, ab 1053. Фd3, ab 1054. Сd4, ab 1055. Фd3, ab 1056. Сd4, ab 1057. Фd3, ab 1058. Сd4, ab 1059. Фd3, ab 1060. Сd4, ab 1061. Фd3, ab 1062. Сd4, ab 1063. Фd3, ab 1064. Сd4, ab 1065. Фd3, ab 1066. Сd4, ab 1067. Фd3, ab 1068. Сd4, ab 1069. Фd3, ab 1070. Сd4, ab 1071. Фd3, ab 1072. Сd4, ab 1073. Фd3, ab 1074. Сd4, ab 1075. Фd3, ab 1076. Сd4, ab 1077. Фd3, ab 1078. Сd4, ab 1079. Фd3, ab 1080. Сd4, ab 1081. Фd3, ab 1082. Сd4, ab 1083. Фd3, ab 1084. Сd4, ab 1085. Фd3, ab 1086. Сd4, ab 1087. Фd3, ab 1088. Сd4, ab 1089. Фd3, ab 1090. Сd4, ab 1091. Фd3, ab 1092. Сd4, ab 1093. Фd3, ab 1094. Сd4, ab 1095. Фd3, ab 1096. Сd4, ab 1097. Фd3, ab 1098. Сd4, ab 1099. Фd3, ab 1100. Сd4, ab 1101. Фd3, ab 1102. Сd4, ab 1103. Фd3, ab 1104. Сd4, ab 1105. Фd3, ab 1106. Сd4, ab 1107. Фd3, ab 1108. Сd4, ab 1109. Фd3, ab 1110. Сd4, ab 1111. Фd3, ab 1112. Сd4, ab 1113. Фd3, ab 1114. Сd4, ab 1115. Фd3, ab 1116. Сd4, ab 1117. Фd3, ab 1118. Сd4, ab 1119. Фd3, ab 1120. Сd4, ab 1121. Фd3, ab 1122. Сd4, ab 1123. Фd3, ab 1124. Сd4, ab 1125. Фd3, ab 1126. Сd4, ab 1127. Фd3, ab 1128. Сd4, ab 1129. Ф

Оружие революционной сатиры

В дни Октября и в годы гражданской войны, в первую мирное строительство, и в суровое время коллективизации Октябрьская сатира, эта революционная сатира являлась грозным оружием, помогавшим советскому народу громить врагов революции, отбивавшим удары злонравия.

При этом творческая группировка советских художников Мора и Дени, Черемных и Ефимова, Кукрыниксов и Долгорукова могла превратить истинную опасность для народа — трудящегося против царского самодержавия и буржуазного Временного правительства, за установление и упрочнение социалистической власти.

На этой странице мы воспроизведим несомненно карикатуры, ярко характеризующих творчество мастеров советской революционной сатиры.

В. ДЕНИ

На могиле
контрреволюции
(1920 г.)

М. ЧЕРЕМНЫХ

Н. ДОЛГОРУКОВ
(1957 г.)

Народ
разорвал
оковы царьи.
Россия в буре...
Россия в грозе...

(В. В. Маяковский)

КУКРЫНИКСЫ

«Большевинам продержаться толь-ко три дня...»
(1943 г.)

Бор. ЕФИМОВ

Годы сказываются
— Чующую, что последний удар
близко.
— А когда был первый?
— В октябре семнадцатого года.
(1952 г.)

Д. МООР
Черные вороны готовят разбой-
ничий набег на СССР.
Пролетарий, будь начеку!
(1930 г.)

Цена номера
2 руб.

